

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Э. Жалинский

*Избранные
труды*

Том 3

**УГОЛОВНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Сравнительное
и международное
уголовное право

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2015

УДК 341.4
ББК 67.412
Ж24

Редакционная коллегия:

д.ю.н., проф. *Г.А. Есаков*; д.ю.н., проф. *М.А. Краснов*; д.ю.н., проф. *Л.Р. Сюкияйнен*

Составители:

К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов

Ответственный редактор — д.ю.н., проф. *О.Л. Дубовик*

ISBN 978-5-7598-1214-2 (т. 3)
ISBN 978-5-7598-1211-1

© Наследница А.Э. Жалинского
О.Л. Дубовик, 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 5

Раздел I. УГОЛОВНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Уголовная политология: становление и развитие 7

Уголовная политология и уголовная политика:
необходимость нового подхода..... 22

Уголовная политология: необходимость уголовно-политической
разработки концепции адаптационной модернизации (обновления)
уголовного права: современные вызовы и борьба за уголовное право..... 37

Уголовная политика..... 55

Уголовная политика и задачи уголовного права..... 60

Уголовная политика: актуальные задачи,
субъекты и механизмы реализации 65

Содержание уголовной политики 70

Национальный интерес и социальная ответственность
при формировании уголовной политики..... 76

Уголовная политика и социально-правовое мышление 78

Экономико-социологические основания уголовной политики.
Рецензия на книгу В.В. Радаева «Экономическая социология» 85

Рецензия на книгу В.Н. Кудрявцева
«Стратегии борьбы с преступностью» 90

Насильственная преступность и уголовная политика..... 98

Раздел II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Введение в немецкое право (предисловие и оглавление).....112

Германская правовая система: справочные сведения.

Источники права ФРГ.

Поиск правовых норм128

Проблемный подход к сравнительному изучению немецкого
и российского уголовного права.....192

Фундаментальные сравнительно-правовые исследования
Общей части уголовного права.....203

Актуальные проблемы уголовного права Российской Федерации
и зарубежных государств. Рецензия на сборник «Актуальные
проблемы уголовного права и криминологии».....212

Польское и российское уголовное право: сравнительный подход	217
Уголовное право как объект сравнительного правового анализа (в связи с трудами М.Д. Шаргородского)	225
Сравнительно-правовое исследование УПК Монголии и УПК РФ.....	230

Раздел III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Судебная система и элементы судебной системы ФРГ	242
Современное немецкое уголовное право (предисловие и оглавление).....	312
Подготовка юристов в ФРГ	331
Уголовное право ФРГ как социальный институт	362
Легитимация уголовного права	383
Преступление	395
Рецензия на книгу «Перемещение уголовной ответственности к наиболее ранним границам: Сравнительно-правовой анализ на примере немецкого и венгерского уголовного права».....	505
Уголовное право ФРГ	511
Уголовно-хозяйственное право Республики Польша: Законодательное регулирование и практика применения. Рецензия на книгу Ежи Скорупка «Уголовно-хозяйственное право: обзор состояния»	554
Уголовная ответственность за налоговые преступления по законодательству Республики Польша: тенденции, специфика, задачи совершенствования. Рецензия на книгу Виолетты Конарской-Вжосек и Томаша Очковского «Финансово-уголовное право. Материально- правовые и исполнительные проблемы»	560
Наука уголовного права в ФРГ	568
Немецкая уголовно-правовая наука на смене тысячелетий. Рецензия на сборник статей, изданных профессорами Альбином Эзером, Винфридом Хассемером, Бернардом Бурхардтом	586
Профессор Ханс-Хайнрих Ешек: немецкая и российская наука уголовного права	594
Российская уголовно-правовая мысль на международной арене	600
Охрана национального уголовно-правового суверенитета в контексте современных международных процессов	607

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе объединены работы Альфреда Эрнестовича Жалинского, характеризующие два направления его творчества. Первое из них раскрывает эволюцию подхода ученого к исследованию уголовной политики, начало которому положили отдельные статьи 70-х — 80-х годов XX столетия. В последние годы своей жизни А.Э. Жалинский, выявив ограниченность и низкую продуктивность широко распространенных взглядов отечественных криминалистов, исследующих понятие, содержание, цели, структуру уголовной политики России, стремился найти более глубокий подход к этим проблемам с помощью новой подотрасли научного знания — уголовной политологии. Он успел опубликовать несколько статей и выступить с докладами.

Второе направление — сравнительное правоведение — представлено в данном томе выдержками из двух фундаментальных книг: «Введение в немецкое право», подготовленной совместно с А.А. Рёрихт, и «Современное немецкое уголовное право», а также отдельными публикациями о немецком и польском уголовном праве, о праве других стран. А.Э. Жалинский постоянно отслеживал новинки изданий, появляющихся в Германии и Польше, был в курсе обсуждаемых учеными этих стран проблем и старался передать полученную и проанализированную им информацию российским пользователям.

Но его работа в области сравнительного правоведения не ограничивалась деятельностью по анализу зарубежного права. Значительное внимание он уделял и представлению достижений российской уголовно-правовой мысли в изданиях, публикуемых в других странах, на конференциях, при работе в рамках международных проектов. Только для примера можно сослаться на его участие в проектах о возмещении вреда в уголовном праве и процессе (руководители проекта — проф. А. Эзер, С. Вальтер / Макс-Планк-Институт иностранного и международного уголовного права, Фрайбург, ФРГ), о транснациональных юридических конфликтах (руководители проекта — проф. А. Зинн, В. Гропп / Университет Оснабрюка, ФРГ), на многолетнее сотрудничество с Политико-правовым университетом в Пекине (проф. Хэ Бин Сун), публикации его работ о профилактике преступлений в Польше, об уголовном праве в Болгарии, об уголовном процессе в Монголии, о причинах экологических преступлений в Италии.

В этом томе, на мой взгляд, целесообразнее было поместить все же работы А.Э. Жалинского о зарубежном праве, чем его труды о праве российском (хотя бы и в сопоставлении с иностранным), несмотря на то что они выполнены оригинально и содержат ряд новаторских соображений.

А.Э. Жалинский не ограничивался, работая в области сравнительного правоведения, написанием собственных трудов. Много времени и сил он отдавал переводам, в первую очередь с немецкого. Часть таких переводов статей наших немецких коллег напечатана в изданных НИУ ВШЭ под его

редакцией сборниках «Уголовное право и современность» (выпуски 1–4 за период с 2007 по 2012 г.), часть — в других изданиях, например в вышедшем под его редакцией сборнике «Современное уголовное право и криминология» (М.: ИНИОН РАН, ИГП РАН, ГУ ВШЭ, 2007). А.Э. Жалинский перевел весьма сложные тексты одного из известнейших философов права — Макса Вебера и подготовил к изданию его труды о праве, к сожалению, до сих пор не опубликованные на русском языке, а также работу Х.-Х. Кернера и Э. Даха «Отмывание денег» и др. Альфред Эрнестович всегда считал своей святой обязанностью делиться информацией, доступ к которой российским коллегам по разным причинам был затруднен (незнание иностранных языков, невозможность реального ознакомления с проявлениями юридико-социальной практики и т.п.). А главное — он, как и любой интеллектуал, не мог не уважать высказанных мнений, созданных концепций, обоснованных идей и пытался донести их до отечественных пользователей.

О.Л. Дубовик

Раздел I

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

ПОЯСНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ I

В этом разделе представлены статьи А.Э. Жалинского об уголовной политике, опубликованные в середине 1980-х годов, когда многие отечественные специалисты стали уделять внимание исследованию данной проблемы, стремясь найти баланс между целями уголовного закона, провозглашаемыми Советским государством, их реализацией, социальными затратами и реальной эффективностью борьбы с преступностью. Эти статьи достаточно полно характеризуют сложившийся в рамках наук уголовного права и криминологии к началу демократических преобразований в нашей стране уровень осознания их обществом, уровень значимости разработок уголовной политики и их состояние.

В последнее десятилетие А.Э. Жалинский, занимаясь разработкой инструментального подхода к уголовному праву, исследуя связи уголовного закона и экономики, отстаивая необходимость либерализации уголовно-правовых запретов, вновь обращается к проблемам уголовной политики, но уже с более широких позиций — формируя новое направление — уголовную политологию. Поэтому в раздел включены как те его статьи, в которых он анализирует состояние, задачи и просчеты современной уголовной политики России, так и несколько работ, посвященных необходимости развития уголовной политологии, целям и содержанию этой научной дисциплины, ее перспективам. Ученый полагал, что только формирование междисциплинарного подхода к решению задач борьбы с преступностью и отход от традиционных, зачастую слишком узких взглядов на цели и средства уголовно-политической деятельности могут в конечном счете принести положительные результаты, в том числе снижение издержек, укрепление безопасности, стабильность, защищенность правовых благ, охраняемых уголовным законом.

В раздел также включены две рецензии, которые ярко характеризуют и позиции А.Э. Жалинского, и два сложившихся в сфере уголовной политики подхода: экономико-социологический и правовой, представленные в трудах известных ученых — профессора В.В. Радаева и академика В.Н. Кудрявцева. Думается, что ознакомление с этими текстами будет способствовать и обращению читателей к рецензируемым книгам, и размышлениям об актуальных задачах уголовной политики.

Уголовная политология: становление и развитие¹

Основная идея, раскрываемая ниже, состоит в необходимости преобразования круга знаний об уголовной политике и превращении ее в уголовную

¹ Текст опубликован: Право и политика. 2010. № 5. С. 826–834.

политологию — используемую для нужд практики отрасль знаний уголовно-правовой науки. Проводимый подход обосновывается тем, что в современных условиях развития российского общества все острее становится необходимость исследования процессов и результатов взаимодействия политики и уголовного закона как противоречивого инструмента подавления, осуждения и вытеснения наиболее опасных посягательств на интересы страны, их модернизации в самом широком смысле этого понятия.

Уголовная политология должна самостоятельно развиваться как основанная на традициях и современных достижениях российской правовой мысли отрасль знания, включенная в систему уголовно-правовых наук и имеющая своим объектом реальные процессы уголовной политики, определяющие собой механизмы действия уголовного закона.

Как наука об уголовной политике уголовная политология должна быть ориентированной на реальные социальные процессы и реализующую их социальную активность. Она должна разрабатывать оптимальные технологии политико-правовой деятельности, обеспечивая конституционность, справедливость, эффективность и единство процессов борьбы с преступностью.

Исходные положения. В российской правовой литературе накоплен существенный багаж теоретической и эмпирической информации о правовой и в том числе уголовной политике. По техническим соображениям ниже не дается анализ взглядов российских и зарубежных специалистов, но они неявно учитываются в последующем изложении. Особенно это относится к работам А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, Л.И. Беляевой, С.С. Босхолова, С.Е. Вицина, Б.Я. Гаврилова, Ю.В. Голика, С.М. Иншакова, П.А. Кабанова, В.Е. Квашиса, А.И. Коробеева, В.Н. Кудрявцева, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимова, Г.М. Миньковского, В.С. Овчинского, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, В.Ф. Цепелева. Вместе с тем ряд высказанных в литературе положений вызывает возражения.

Уголовная политика представляет собой осознанную и стихийную специфическую деятельность всех сил общества, а не только государства. Уже по преамбуле к Конституции РФ многонациональный народ Российской Федерации утверждает права и свободы человека, гражданский мир и согласие.

Уголовная политология исходно рассматривается как отрасль знаний, отражающая уголовную политику; она понимается как результат преобразования общей политологии и смежных с нею наук в правовую дисциплину, развиваемую в нуждах разграничения преступного и не преступного поведения и борьбы с преступностью.

Уголовная политология должна исследовать уголовную политику как процесс, ее формирование, влияние, и как некоторый постоянно меняющийся результат политических процессов, выраженный в тех или иных текстах и укорененный в общественном сознании.

Уголовная политология охватывает систему знаний о целостном действии уголовного закона, включая механизмы его реализации уголовно-процессуальными, уголовно-исполнительными средствами, процессами

предупреждения преступности; в этом смысле предмет и границы уголовной политологии определяются (подобно криминологии) практическими потребностями; в методических целях возможно и слияние уголовной политологии с криминологией, и ее разделение на уголовно-политическую, уголовно-процессуальную, пенитенциарную и пр.

Современная социальная ситуация, вызовы, стоящие перед страной, принципиально обостряют потребность в развитии уголовной политологии.

Взаимодействие уголовного права и политики. Оно проявляется как воздействие политики на уголовное право и уголовного права на политику.

Воздействие политики на уголовное право проявляется как минимум по трем направлениям.

Первое. Целостный механизм действия уголовного права, расширяя свои регулятивно-охранительные возможности, все в большей степени оказывается объектом острой политической борьбы, основными чертами которой являются направленность на распределение всегда дефицитной власти в ее различных проявлениях, выбор стратегии (направления, подходов) и ее реализацию (проведение, осуществление).

Второе. Уголовное законодательство адекватно или нет, но неизбежно отражает как сложившееся под влиянием политических средств отношение общества к правопорядку, так и саму институциональную организацию социального мира; политика при этом, представляя социальное развитие, является важнейшим фактором, программирующим содержание уголовного закона.

Третье. Влияющие на механизм уголовного права политические позиции сами являются продуктом политической конкуренции; они вырабатываются в сложных процессах социального взаимодействия на основе сохранившегося опыта, существующих учений или взглядов и могут противоречиво влиять на уголовное законодательство, проявляясь также и в заведомо нежелательных формах, в частности таких, как уголовно-правовые нигилизм и популизм.

Воздействие уголовного закона на политику также весьма существенно и противоречиво. По своей природе уголовный закон представляет собой систему ограничений для политики и вытекающих из этого правил. Он может сделать политику более легитимной, повысить доверие к ней. Но едва ли не чаще с помощью уголовного закона блокируется развитие тех или иных политических идей и направлений.

При анализе этих направлений выявляется содержание взаимодействия уголовного права и политики, что крайне важно для определения стратегии противодействия преступности. Прежде всего, политика и право представляют собой феномены, различные по легитимирующему и регулирующему потенциалу. Политика как преимущественно регулирующий, управляющий феномен, как деятельность, реально осуществляемая в различных формах, включая документальное закрепление ее установок, равно как система знаний о политике, по цели приводит к завладению властью и означает регулирование социальных процессов, в чем бы последнее ни состояло. Политика

сопровождает развитие права на протяжении всей его истории, вероятно, предшествует ему. Будучи объективно необходимой, она порождает массу подозрений в обществе и острую критику со стороны, всегда образуя процесс конкуренции.

Уголовное право по своей природе — легитимирующий феномен. Оно должно вносить в воздействие на социальные процессы справедливость, свободу, предсказуемость, как нечто более высокое, чем политика, и пользуется при этом большим доверием. Общество стремится формировать право (номос) как нечто от негативных явлений свободное, во всяком случае в идеале.

Процесс воздействия политики на практику правотворчества, на оценку качества закона, на практику его реализации в силу своей значимости и сложности влияет на правосознание общества, порождает особый слой оценок, гипотез, эмпирических знаний, выводов, которые, собственно, и образуют уголовную политологию. Это не является исключением. Точно так же, влияя на экономику, философию, этику, политика порождает политическую этику, политическую философию, политическую экономию и пр.

Таким образом, содержание политики и уголовного права определяется предназначенностью, природой этих социальных феноменов. В нуждах уголовного права содержание политики может быть охарактеризовано как такое участие в делах общества, которое предопределяет выбор целей развития и путей их достижения, обеспечиваемых максимизацией власти и властного воздействия. Тогда политика — это процессы выбора и процессы реализации выбора. Если субъект социального действия не желает выбора, а стремится лишь к исполнению уже выбранного выбранными уже средствами — политики, предшествующей праву, нет.

Право оказывается одновременно инструментом политики и ее ограничителем. Но при этом право устраняет некоторые свойства политического феномена, наделяя его чертами легитимности, определенности, стабильности. Преобразование политической составляющей правом может осуществляться путем указания на формы выбора, которыми оказываются деятельность объединений различного характера, пропаганда и агитация, избирательный процесс и пр., на субъектов политики, к которым относят иногда избирателей, собственно политиков, бюрократов, на связь с большим кругом людей, что типично для права.

Реально это определяется проникновением политики в социальное развитие и спецификой политической деятельности, процессами, которые должны быть охвачены всеобщей и профессиональной уголовно-правовой мыслью.

Политические позиции при этом могут быть неявными, но все равно они сказываются в сфере права.

Следующая особенность взаимодействия политики и права определяется тем, что правовые решения по форме отличаются от политических. Общество вынуждено передавать профессионалам технико-юридическую

разработку уголовного законодательства, предрешив на политическом уровне требования к его легитимности, справедливости и эффективности и распределив компетенции.

При этом приходится учитывать, что науки уголовно-правового цикла по своему потенциалу не могут в необходимой степени оценивать социально-политические реалии, а политические науки не обеспечивают совершенство уголовного закона. Зато и те и другие вполне способны по своим критериям оценивать соотносимую с уголовным правом информацию, собранную иными отраслями общественной науки. Так, уголовное право не располагает возможностями оценивать преимущества и недостатки, например, рынка, но трансформировать экономическую информацию в текст уголовного закона обязано и может.

Следовательно, уголовный закон, механизмы его реализации порождаются социальными процессами, опосредованными политическими явлениями, но воплощаются в тексты, действия и решения профессиональными средствами юриспруденции. Это реально осуществляется законодателем, который, получив соответствующий язык и наборы аргументов, должен с помощью экспертов перевести социальную материю в правовые и затем в юридические решения, определив этим состояние правореализационных видов деятельности.

При отсутствии же необходимого баланса политического и юридического невозможно учесть соответствующие интересы общества и публичной власти в целом и их институтов, разработать механизмы и формы позиций по наиболее общим вопросам применения уголовного закона. Тем самым теряется связь между политико-социальной и уголовно-правовой мыслью, восстанавливать которую в процессе разработки отдельных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных новелл уже поздно.

Именно поэтому, подчеркнем еще раз, необходимо более глубокое уяснение взаимодействия политики и уголовного права, а на этой основе усиление практической ориентации уголовной политологии — отдельной области знаний об уголовной политике, развивающейся на стыке правовых и иных социально-экономических наук.

Современная социальная ситуация развития уголовной политики и уголовной политологии. Она несет в себе черты прошлого, включает новые явления и должна анализироваться с позиций будущего. Но, так или иначе, предполагается, что современная социальная ситуация, сложившаяся в стране, требует обновления уголовного закона и механизмов его реализации, что вполне обоснованно признается и властью, и обществом. Уголовная политика в контексте социально-экономических процессов определяет уголовную политологию и определяется ею, и их развитие происходит в общих условиях.

Современная социальная ситуация характеризуется по меньшей мере взаимодействием двух групп объективных факторов. Это:

а) исторически сложившиеся неявность и противоречивость процесса развития права и правореализации, определяемые борьбой за власть и ее возможности;

б) актуальное, особенное, переходное состояние институтов общества, которое обозначается как аномия, транзитивность, но характеризуется быстротой и непредсказуемостью социального развития, а главное, усилением социальной активности, хотя это иногда отрицается.

Действие объективных факторов в современной социальной ситуации особенно сильно осложняется факторами субъективными. Лишь для примера: это, с одной стороны, инертность правовой и иных социальных наук, ориентирующихся часто на догмы прошлого, а с другой — сохранившиеся индивидуальные комплексы, возможно вполне простительные. Известно, что социальные перемены по многим причинам разрушили установки, которые казались вечными и частично были ими, и обусловили необходимость достижения нового согласия.

Ключевые для уголовной политологии слова, отражающие сложившиеся, актуальные, т.е. подлежащие учету, черты социальной ситуации, это: рынок, дифференциация социальных интересов. Далее, изменение социальных ценностей и поведения, возросшая роль социальной активности, реальное изменение процессов взаимодействия и социальных ожиданий, лоббизм, институты, спрос на стабильность экономики и повышение социальных ожиданий, оптимальное управление. Наконец, в собственно уголовно-правовой сфере это: смена отношения социума к старой и новой преступности, противоречивые позиции субъектов вытеснения преступности и пр.

Современная социальная ситуация, далее, характеризуется изменениями интенсивности и структуры поведения опасного и общественно опасного в смысле ч. 2 ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» УК РФ. Она усиливает сложность определения поведения полезного и вредного, безопасного и опасного, дозволенного и недозволенного. Экономика, ситуация кризиса, изменение целей и ценностей, переформатирование коммуникаций обесценивают многие сложившиеся направления и методы обеспечения оптимального «социального мира» в обществе средствами уголовного закона.

Под влиянием и на основе политических предпочтений и позиций общество и власть вынуждены делать постоянный выбор оценок общения, разграничивая поступки на дозволенные и недозволенные, определяя виды и поле конфликтов. Процессы оценки не бывают стерильными. Люди, формируя свои потребности и интересы, ошибались и ошибаются, принимая полезное за вредное и наоборот. Различные социальные группы занимают позиции, соответствующие их интересам.

Уголовно-правовая мысль не всегда позволяет объяснить корни острых разногласий профессиональных юристов касательно уголовной репрессии. Юридическая наука лишь постепенно преодолевает конфликты, связанные с оценкой происшедших и происходящих политических перемен. Еще недо-

статочны механизмов переработки и освоения генезиса отношения к уголовному закону при понимании, что новые процессы в экономике, появление и развитие Интернета, мобильной связи и многих иных явлений делают бессмысленными или недостаточными многие ранее сложившиеся представления о правовой жизни.

Уголовная политика как социальная реальность. Как известно, социальная реальность есть объект изучения множества наук; она может быть отражена в некотором множестве различающихся моделей. Выбор модели в идеале определяется целями ее познания; реально это опосредуется многими факторами субъективного характера. Здесь уголовная политика описывается как осуществляемая людьми и их объединениями деятельность, имеющая специфические черты, преследующая определенные цели, порождающая определенные воспринимаемые последствия. Принимается, что уголовная политика имеет собственное содержание, качественные и количественные параметры, осуществляется во времени и пространстве. Описание уголовной политики как социальной реальности — обязательное условие определения задач, методов, предмета и, разумеется, содержания уголовной политологии.

Субъекты уголовной политики. Уголовная политика реально осуществляется определенными либо меняющимися лицами и структурами, отражающими истинные или ложные, осознанные или неосознанные интересы различных социальных групп, борющихся за влияние и власть, либо представителями этих структур. Этими структурами, о чем писал еще В.И. Ленин, могут быть партии — организации революционеров, газеты «Искра» или «Правда», профсоюзы, объединения и др.

Политика как деятельность. Деятельность в сфере политики и уголовной политики можно представить как осознание некоторого набора постоянных и временных проблем, позиционирование по отношению к ним, их решение в политических целях и специфически политическими способами на основе сложившихся процедур различной авторитетности. Политическая деятельность требует специального осмысления. Но в нашей стране по историческому опыту известно, что эта деятельность имеет качественные и количественные параметры и может состоять в создании и укреплении политических организаций, привлечении сторонников, пропаганде и агитации, почему-то подменяемых так называемым пиаром, выработке взглядов, подходов, концепций, проектов, их реализации, организации мониторинговых процессов и пр. Она, подчеркнем еще раз, включает целеполагание, организацию, создание коллективных организаторов и пропагандистов, которыми стало вместо газет телевидение, ныне вытесняемое Интернетом.

Конкурентный характер политики. Она порождается дефицитностью власти и требует определенного разграничения функций ее субъектов в сфере защиты определенных общих, групповых или индивидуальных интересов. Отсюда необходимость затраты нервных, интеллектуальных и иных усилий в сфере политики, ее издержки, спрос на профессионализм или

другие специфические черты личности, функциональность, обоснованность целей. В этом смысле показательно мнение А.И. Соловьева о том, что «... политика предстает как внутренне обратимое, принципиально неравновесное явление, в котором переплетены сознательные и стихийные действия, организация и дезорганизация. Порядок и хаос, баланс и дисбаланс, стабильность и нестабильность, устойчивость и неустойчивость»¹.

Технологии и нормативность уголовной политики. Политическая деятельность может быть случайной, стихийной, познавательной, мыслительной. Однако она всегда осуществляется по некоторым технологическим образцам (что хорошо известно криминологам), хотя и не обязательно нормативна по провозглашаемым субъектами политики правилам либо сложившимся технологиям, развитость которых определяет степень достижения успеха. Процедуры деятельности могут быть конституционно-правовыми, эффективными, признаваемыми в ходе политической конкуренции или не признаваемыми. Нормативность может быть потенциальной и реализованной.

Целевой характер уголовной политики. Цели уголовной политики всегда декларируются как направленные на достижение определенного круга социальных благ, укрепление правопорядка. Но они могут быть как разумными, так и деформированными. Цели политики в принципе отражают потребности сил, которые ее проводят. В основе целей политики, однако, лежат не только социальные интересы, но и не в меньшей степени — политические идеология, культура и иные формы общественного сознания, сложившаяся на основе традиций меняющаяся активность участников политических процессов. Во всяком случае кажется необходимым и возможным анализ сложившихся явных и неявных целей уголовной политики, их крайне трудное сопоставление с логикой социального развития и перевод в содержание уголовной политологии.

Политические и правовые компоненты уголовной политики. Их различение необходимо, ибо они осуществляются различными субъектами, в разных целях и влекут различные результаты. Это наглядно показала ситуация экономического кризиса, когда прямо выявилась политическая составляющая, предшествующая поиску решения об уголовной ответственности возможных виновников финансового кризиса. Пока решения нет, и политические структуры совершенно обоснованно взяли на себя решение экономических проблем, спасение банков, финансирование предприятий, предупреждение безработицы. Еще более наглядно политические компоненты уголовной политики проявляются в сфере борьбы с преступностью.

Чрезвычайно упрощенно можно сказать, что в качестве реально проявляющих себя компонентов политики понимаются:

- а) позиции общественного сознания;
- б) позиции центров политического влияния или власти;

¹ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 60.

в) распространенность и последствия действий (бездействия), которыми они реализуются;

г) предправовые, содержательно регулятивные решения, в сфере юридической преобразуемые в нормативно-правовую форму.

Эти компоненты могут фиксироваться на уровнях индивидуального, группового и общесоциального именно по признаку их связи с уголовным законом и процессами его реализации, т.е. оцениваться как исходные, программирующие либо включенные в правотворческий процесс предписания. При этом возникают трудности различения собственно политических и правовых компонентов в действиях законодателя.

Здесь нужно еще раз подчеркнуть, что собственно криминализация и декриминализация не являются содержанием политики и уголовной политики, но представляют собой инструменты ее осуществления. Необходимо различать политическую составляющую и процесс ее юридической реализации. Хотя в политологической литературе проблематика политической составляющей решается, следует признать, что в общем ее можно проиллюстрировать ключевыми словами, такими как: власть, понятие власти, структуры власти, компетенции, сильные конституционно и реально институты, конкуренция как преодоление дефицита власти, ликвидация препятствий, воля, дискурс и согласие, обеспечение, придание импульсов, постановка сверхбарьерных задач и др.

Границы уголовной политики. Это один из самых обсуждаемых вопросов уголовной политики. По глубинным практическим соображениям, независимо от лингвистических изысков и структуры программ юридического образования, при принятии уголовно-правового решения, как известно, необходимо обеспечить достаточность уголовно-процессуальных процедур, возможностей уголовно-исполнительной практики, расширение либо изменение или отмену мер криминологического характера.

Несомненно, что уголовная политика есть часть социальной политики, проводимой в контексте социальных процессов различного уровня. При столь общем подходе, однако, нужно понять, как реально осуществляются уголовно-политические процессы и в чем они состоят.

Уголовная политика, как бы она ни определялась юристами, обязательно имеет как общие черты, присущие политике как социальной реальности и разрабатываемые в политологии и смежных дисциплинах, так и специфические черты, отражающие собственно ее природу и назначение. Практически это означает, что уголовно-политические решения принимаются и должны приниматься в системе иных политических решений, в структуре социальной политики. Это крайне важно для подавления ведомственного эгоизма и профессиональной агрессивности юристов, чаще всего, правда, выражающейся в риторике.

Нет особых причин, препятствующих выделению различных видов или подсистем политики борьбы с преступностью или противодействия ей. Важно только учитывать два обстоятельства: материальное уголовно-право-

вое решение является исходным, без него не нужны иные виды деятельности, уголовная политика должна обеспечивать принимаемые решения, в том числе средствами профилактики.

Результаты или состояние уголовной политики — это те решения и осуществленные меры, которые так или иначе признаны легитимными и реально отражаются на использовании собственно уголовно-правовых средств в соответствии с поставленными задачами. Такая характеристика уголовной политики могла бы отражать ее бесконфликтное осуществление.

Противоречивость уголовной политики. Она не может быть единой, поскольку различные проблемы решаются в различных интересах. Так, ощущаются и фиксируются несомненные различия в уголовной политике в сфере коррупции и в сфере насильственной преступности.

Разделение властей и задач ветвей власти должно с точки зрения действующего закона влечь разные подходы к политике, что особенно наглядно проявляется в состязательном уголовном процессе, а во многих случаях излишне жестко — в виде ведомственных конфликтов. Наконец, в современном обществе формируются юридически признаваемая уголовная политика и уголовная политика, отражающая групповые интересы.

Задачи, предмет и система уголовной политологии. Задачи уголовной политологии должны определяться потребностями практики. Крайне упрощенно говоря, в частности, стремлением узнать, что граждане хотят от уголовного закона, почему они хотят тех или иных результатов, что готовы платить за их достижение, какое отношение к уголовному закону можно считать разумным, как бы об этом договориться всем вместе. Ответы на эти вопросы должны предшествовать собственно законодательным процессам и применению уголовного закона либо сопровождать их.

Соответственно задачи практически ориентированной уголовной политологии состоят в:

а) описании реального состояния уголовной политики: это онтологические задачи уголовной политологии;

б) объяснении факторов, механизмов, закономерностей уголовной политики, политических предпосылок занимаемых социальных позиций и социального поведения, причин различных отклонений в процессах воздействия на преступность, осуществляемых в контексте социального развития, и условий их организационно-управленческой эффективности: это гносеологические задачи уголовной политологии;

в) разработке программ, проектов и технологий совершенствования как собственно процессов уголовной политики, которые в значительной части являются субъективными, определяясь интересами и установками ее субъектов, так и процессов непосредственного формирования и осуществления уголовно-политических позиций: это управленческие задачи уголовной политологии.

Как видим, в настоящее время существует острая потребность получать более полные и обоснованные ответы, в частности, на такие вопросы, кото-

рые не сформулированы в уголовном праве, криминологии, уголовной социологии, уголовно-исполнительном праве и иных отраслях знания.

Например: как формируются надежды, которые возлагают на уголовное право общество в целом и отдельные социальные группы, и как они влияют на его действие? Почему столь полярно отношение к репрессии? Почему судимость в России резко отличается от судимости в иных странах, являясь, за некоторыми исключениями, и более высокой, и более суровой, но не более эффективной? Какие факторы влияют на формирование сложившихся и пока не поддающихся изменению тенденций? Какие группы реально заинтересованы в высокой репрессии и есть ли такие? Если на протяжении очень многих лет не фиксируется статистикой реальное состояние преступности, то почему? Действительно ли это нужно обществу? Каковы здесь позиции отдельных социальных, в частности профессиональных, групп? Правильно ли, т.е. справедливо и эффективно, сформирована система уголовно-правовых запретов, особенно в сфере новых социальных процессов, и соответственно каковы реальные потребности в определении границ действия уголовного закона? Может ли уголовное право быть беспристрастным и безопасным для лиц, не нарушающих интересы общества? В чем действительные причины низкого авторитета системы уголовной юстиции в общественном мнении? Чего хотят и что могут делать политики в сфере действия уголовного права, каковы их возможности?

Перечень таких вопросов можно продолжить. Но для ответа на них нужно перерабатывать информацию о следующем:

- какова социальная и политическая составляющая процессов воздействия на преступность;
- какие решения признаются политическими и каково их соотношение с правовыми решениями;
- кто, на какой основе и в каких процедурах принимает политические решения, которые должны так или иначе определять действие и эффективность уголовного права, его задачи и границы либо влиять на процессы их разработки и принятия;
- каковы развитость и содержание общественного дискурса по вопросам уголовной политики;
- как осуществляется и достаточен ли государственный и общественный контроль уголовной политики.

Вывод: необходимостью постоянного получения этой информации определяется онтологическая характеристика уголовной политологии, предмет этой дисциплины, а на этой основе — ее методы, методики, содержание и система.

Предмет уголовной политологии. Он формируется практическими потребностями, которые удовлетворяются на основе возможностей и с учетом связей границ уголовной политологии. Именно поэтому предмет уголовной политологии должен определяться постепенно в ходе научного дискурса, на основе накопления научного и практического опыта. В настоящее время це-

лесообразно выделить составляющие предмета уголовной политологии, затем конкретизировав их рассмотрением ее системы.

Предметом уголовной политологии следует считать те стороны любого направления политики, которые связаны с определением отношения к уголовному законодательству, обеспечением возможности его реализации, воздействием на законодательную и правореализационную деятельность, т.е. на становление и действие уголовного закона. При этом в предмет уголовной политологии входят различные способы и формы уголовно-политической деятельности. Это тенденции, доктрины, взгляды, установки, привлечение сторонников, лоббизм, получение власти, подбор кадров, политическое давление, агитация, участие в принятии решения и т.д.

Разумеется, является необходимым более развернутый анализ предмета уголовной политологии. Здесь же достаточно подчеркнуть, что он должен формироваться исходя из понимания политики как таковой, механизм действия уголовного закона в социальной инфоструктуре и с учетом актуальных задач борьбы с преступностью в наличной социальной ситуации.

Система уголовной политологии. На основе изложенного понимания предмета можно указать на следующие содержательно-структурные элементы системы уголовной политологии.

Общая часть:

- методологические и науковедческие проблемы уголовной политологии; теории и парадигмы уголовной политологии; соотношение научного и обыденного знания; система уголовной политологии, ее внутренние и внешние связи, методика уголовно-политических исследований; проблемы верификации (проверки) их результатов;

- социальная природа и назначение уголовной политики; социальные и гносеологические корни уголовной политики; спрос на развитие уголовной политики; свойства уголовной политики; уголовная политика в структуре социального управления; понятие политического в процессах установления границ и наказуемости преступности и в сфере борьбы с нею, политическая власть;

- система уголовной политики; политическая деятельность, коллективные и индивидуальные политические процессы; субъекты уголовной политики, единство и разграничение компетенции субъектов уголовной политики, государственные структуры, политические и научные элиты, партии, общественные объединения, социальные группы, индивиды; инфраструктура уголовной политики, информационные, ресурсные, кадровые и иные предпосылки и условия;

- политические процессы и политическая деятельность; конкуренция в сфере власти и влияния; специфические цели уголовно-политической деятельности, этапы политических процессов, организационно-информационное обеспечение, лоббизм в структуре уголовной политики, выявление проблемных ситуаций, постановка задач, результаты уголовной политики; разработка общих программ и отдельных позиций, обоснование позиций и получение поддержки, реализация позиций и принятие решений;

- мониторинг политических процессов; социальный контроль, оценки состояния уголовной политики; конституционность, справедливость, эффективность; определение иных критериев оценки уголовной политики; пригодность оценок и их критериев для использования в социальном дискурсе и получения поддержки общества.

Особенная часть:

- отдельные направления уголовной политики; тактика их реализации; организация коммуникационных процессов; социальный дискурс, нормативные и стихийные процессы; особенности разработки, обоснования, принятия и реализации отдельных действий и решений.

Место уголовной политологии в системе общественных наук. Здесь стоит выделить три вопроса, подлежащих обсуждению. Первый: о статусе уголовной политологии. Второй: о ее связях с общественными неправовыми дисциплинами. Третий: собственно о месте уголовной политологии в структуре наук криминального цикла. Это крайне важные вопросы, и от ответа на них вообще зависит судьба научной разработки уголовной политики.

Здесь, однако, попытаемся высказать лишь самые краткие соображения.

Признание самостоятельного статуса уголовной политологии может вызывать резкие возражения, если оно будет связано с обязательным введением ее в систему профессионального юридического образования. Вначале, однако, следует решить вопрос о статусе уголовной политологии в структуре научных исследований и информационного обеспечения общих процессов борьбы с преступностью. На наш взгляд, проведение такого рода исследований, как показано выше, предопределено потребностями практики. Уровень анализа процессов борьбы с преступностью должен быть повышен, и именно за счет анализа их политической составляющей. Для этого необходимы системность, адаптированные методики, опора на более или менее осмысленные исходные положения. Все это способна дать отдельная структурированная и осмысленная в традициях правоведения система знаний.

Второй вопрос относится к связям уголовной политологии и общественных неправовых наук. Здесь необходимо, как уже отмечалось, по меньшей мере, осваивать опыт общей политологии, осознавать ее находки и неудачи. В политологической литературе подчеркивается открытый характер политологии, отсутствие жестких границ между философией, социологией, экономикой и политологией. Это, несомненно, относится и к уголовной политологии, которая способна информационно обеспечивать политические решения, например, данными социологии.

Наконец, место политологии в системе наук криминального (уголовно-правового) цикла. Вероятно, она должна быть системно наиболее высокой и вбирать в себя условия, технологии и ограничения уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминологии, юридической психологии.

Уголовное право при всей его разработанности способно лишь определить границы и содержание запрета, «высказать упрек». Но превращение проекта в уголовный закон и его реализация требуют большего, а именно

средств установления фактов, способов выявления издержек, отношения адресатов запрета к его содержанию, организации правоприменительной и судебной практики.

Правильно ли это или нет, но практика показала, что без такого обеспечения уголовно-правовые запреты в лучшем случае остаются научной литературой. Поэтому обращение к уголовной политологии не только не снижает значения широкого круга отраслей уголовно-правового знания, но создает дополнительный механизм для расширения предмета и использования их возможностей в сфере борьбы с преступностью.

Реальные возможности практического использования данных уголовной политологии. Это крайне сложный вопрос, относящийся к правовой науке в целом. Но здесь возникает более острая, чем в иных случаях, проблема адресатов. Трудно рассчитывать на прямое использование уголовной политологии субъектами политической деятельности. Вместе с тем юристы должны использовать уголовно-политологическую информацию как в качестве основания проектирования уголовного законодательства, позиций правоприменительной практики и процессов ее осуществления, так и для определения системы политических ожиданий, условий реализации мер уголовно-правового регулирования.

Так или иначе, практические возможности использования уголовной политологии зависят от очень многих обстоятельств. Но ее содержание, несомненно, может быть весьма полезным для многих групп адресатов, во всяком случае субъектов политической деятельности и юристов.

Пример использования возможностей уголовной политики: процесс обсуждения проблемы криминализации и пенализации — декриминализации и депенализации экономической преступности.

Политическая и правовая составляющие этой проблематики. Решения в сфере (де)криминализации и (де)пенализации, будучи сколько-нибудь масштабными или даже не будучи таковыми, затрагивают интересы публичной власти в целом, всех налогоплательщиков, больших групп адресатов, ограничивая права одного круга и расширяя права других лиц. Эти решения принимают или не принимают форму закона, т.е. принимаются политическими, властными структурами. В основе таких решений лежат информация и соображения общеполитического характера. От них зависит авторитет власти, властных функций, условий социальной деятельности ряда групп и пр. Юридическое сопровождение этих проблем крайне важно и является обязательным условием для их решения. Но науки криминального цикла не обладают возможностями социально-экономического анализа. Они не могут решать вопросы ценообразования, конкуренции на рынке и т.п. Это, например, осознали авторы Основного закона ФРГ, провозгласив начало конституционного нейтралитета в экономике и ограничившись установлением основных прав.

Правда, некоторые юристы позволяют себе на основе собственных экономических и политических оценок предлагать те или иные уголовно-пра-

вовые новеллы и указывать на их необходимость. Но, даже обладая любительскими или профессиональными познаниями, что бывает крайне редко, юристы не могут для подтверждения таких оценок сослаться на какие-либо аргументы, укорененные в уголовном законе или уголовно-правовой доктрине. Тогда они вынуждены объяснять наступившие беды отказом от понятийного оборота «борьба с преступностью», «безудержной либерализацией» и прочими лингвистическими изысками либо в лучшем случае ссылками на рост преступности.

Сущностные вопросы экономики, например регулирования финансовых рынков, банкротства, должны решать политики, привлекая, разумеется, специалистов различных профилей.

Юристы только на основании политических решений могут предлагать адекватные формы вины для соответствующего уголовно-правового запрета, и то передавая политикам окончательное решение даже и по этим вопросам.

Соответственно, с позиций уголовной политологии и уголовного права следует конкретизировать соотношение необходимой для решения этой задачи политической и правовой информации, разделения решений, которые находятся в сфере компетенции политиков и юристов, а также и, что очень важно, определить связи между политическими и юридическими решениями. Это, в частности, ожидаемое финансирование, расширение кадров, изменение компетенций и ограничение прав, предполагаемое отношение к предлагаемым проектам населения в целом и отдельных групп влияния, политически допустимое распределение издержек и пр.

Для ответа на эти вопросы должна реально действовать функционально и организационно отлаженная, но отнюдь не обязательно институционально выделенная система уголовной политики, не исчерпывающаяся государственными общими и специализированными структурами. В современных условиях такая система существует реально, поскольку так или иначе различные центры влияния разрабатывают уголовно-политические позиции, обладая нередко весьма существенными возможностями их реализации. Но здесь нужно добиваться разумного использования действительных возможностей, избегая, например, передачи юридических функций министерствам, не располагающим юридико-техническими компетенциями.

В итоге уголовная политология способна исследовать процессы получения и совершенствования политических позиций и решений по действительно важным проблемам уголовно-правового воздействия, например относительно необходимости усиливать уголовно-правовое давление на должников-индивидов, вовсе не повинных в кризисе банковской системы. Она может и должна изучать процессы настройки определенных структур на обеспечение при криминализации поведения поддержки населения, доверия к правоохранительной системе. И это также требует развития и усиления политической составляющей, ибо совершенно не факт, что высказанное в рамках полемики спорное мнение юриста будет непременно поддержано теми, от кого зависит его реализация.

На основе уголовной политологии поэтому нужно разрабатывать адаптированную к решаемой проблеме методику дискурса, т.е. межличностных коммуникаций, кстати, очень неплохо развитую во многих общественных науках и весьма широко использовавшуюся в условиях ушедшей формации.

Такая постановка вопроса может показаться избыточной. Но ее необходимость подтверждается накопленным ранее опытом создания условий эффективности предупреждения преступности. В свое время была показана полезность специального информационного обеспечения предупреждения преступлений. Сейчас это еще более актуально. Достаточно сказать, что практически не отслеживаются изменения, вызываемые принятием новых уголовно-правовых запретов, например реальное воздействие на поведение группы запретов, относящихся к избирательному процессу. В результате политический мониторинг уголовного закона или отсутствует, или осуществляется крайне выборочно. А для общества он крайне необходим.

Можно полагать, следовательно, что общие черты предмета уголовной политологии уже, в сущности, заданы потребностями практики. Дальнейшее его развитие и совершенствование возможны лишь в процессе научного обсуждения¹.

Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода²

Постановка проблемы. Уголовная политика или то, что ею чаще всего считают, на первый взгляд за многие годы исследована достаточно основательно³. Здесь следует отдать должное идеям П.С. Дагеля, в частности вы-

¹ Библиография к статье: *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003; *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2009; Криминологический мониторинг: современное состояние и пути повышения эффективности: материалы конференции. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2009; Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы / под ред. С.В. Максимова. М.: ИГП РАН, 2009; Основные направления современной уголовной политики: сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. семинара в Московском университете МВД России, посвященного 90-летию со дня рождения проф. Н.И. Загородникова / под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова, к.ю.н. М.М. Малыковцева / Московский университет МВД России. М., 2008; Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, Изд-во юрид. фак-та С.-Петербур. ун-та, 2005; *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

² Текст опубликован: Уголовная политика и право в эпоху перемен. М., 2010. С. 8–27.

³ См. достаточно полную и объективную характеристику состояния взглядов на уголовную политику в фундаментальной работе Н.А. Лопашенко «Уголовная политика» (М.: Волтерс Клувер, 2009). Эта характеристика позволяет обойтись без развернутого рас-

сказанным в 1982 г. в его книге «Проблемы советской уголовной политики»¹. Многие из них были развиты в работах его учеников, прежде всего А.И. Коробеева². Иные идеи П.С. Дагеля повлияли сильно, но неявно на труды других исследователей. Все это заслуживает специального анализа, но здесь выделим лишь несколько соображений П.С. Дагеля, наиболее близко относящихся к представленному далее тексту.

Это прежде всего достаточно четкое разграничение уголовной политики и права. Затем — структурирование уголовной политики, в частности выделение элементов управления. Наконец, анализ факторов и научных основ уголовной политики.

Дело, кажется, лишь за тем, чтобы внедрить достижения теории в равнодушную к ней практику. Быть может, это действительно так, и вероятно, многие высказанные в литературе суждения в самом деле заслуживают лучшей участи.

Ниже, однако, путем альтернативного подхода делается попытка показать, что современное теоретико-методическое отражение политических процессов в сфере действия уголовного права далеко не во всем соответствует их реальному состоянию. Представления об уголовной политике не систематизированы, излишне мозаичны. Они не опираются в достаточной мере на поддающиеся проверке эмпирические данные, не соответствуют практическим потребностям страны и зачастую не пригодны к практическому использованию. Наконец, уголовно-политические исследования развития современного общественнознания недостаточно учитывают его достижения и логику.

Именно поэтому предлагается разграничить уголовную политику и область знаний об уголовной политике, институализировав последнюю как уголовную политологию — отдельную дисциплину в структуре правоведения. Это, возможно, позволит расширить понимание уголовной политики, выявить общие и ситуационные, теоретические и методические основания уголовно-политических исследований, глубже анализировать политическое поведение в сфере действия уголовного закона, в целом политическую составляющую процессов борьбы с преступностью, как опираясь на дости-

смотрения многочисленных публикаций, в особенности по вопросам, которые в данной статье не исследуются.

¹ *Дагель П.С.* Избр. труды / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 268–316.

² См., например: *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987; *Он же.* Советская уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы развития // Проблемы уголовной политики. Красноярск, 1989. С. 35–53; *Он же.* Соотношение принципов уголовно-правовой политики и принципов уголовного права // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2001. С. 73–85; *Он же.* Глава III. Уголовное право и уголовно-правовая политика // Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Преступление и наказание. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 70–131 и др. его работы.

жения современной политологии и иных общественных и экономических наук, так и учитывая потребности практики.

При этом, разумеется, должна учитываться противоречивость мнений о природе политики, понимании политической науки, собственно о самой возможности признания ее наукой.

Однако, так или иначе, исходным является тезис, по которому уголовная политология как отдельная отрасль знаний, статус которой нуждается в обсуждении, могла бы обеспечивать получение поддающейся эмпирической проверке и научной оценке информации различного уровня о тех политических реалиях и их специфических чертах, которые связаны с использованием уголовного права как специфического инструмента социальной власти.

Для обоснования этого тезиса далее рассматриваются:

- а) современные представления об уголовной политике как одна из основ уголовной политологии;
- б) современные потребности страны в уголовно-политической эмпирической и обобщенной информации;
- в) предмет и задачи уголовной политологии;
- г) место уголовной политологии в правовой науке;
- д) возможности практического использования данных уголовной политологии.

Современные представления об уголовной политике. Их анализ необходим уже потому, что никакое наблюдение в принципе не может осуществляться на собственной основе, исключительно с чистого листа. Поэтому необходим как учет сделанного в обществоведении, так и осознание отношения к политике вообще и уголовной политике в частности, укоренившегося в общественном сознании.

В современной уголовно-правовой литературе, как уже отмечалось, уголовной политике уделено много внимания, причем нередко в публикациях, ей специально не посвященных. Особо следует отметить, кроме работ П.С. Дагеля и А.И. Коробеева, вышедшие уже в процессе социальных перемен работы А.И. Алексеева, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло, С.Е. Вицина, Б.Я. Гаврилова, Ю.В. Голика, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, П.Н. Панченко и других.

Несомненный интерес, в частности, представляет понимание, хотя и не конкретизированное, принципов уголовной политики, стремление, так или иначе, разграничить реальные процессы и знание об этих процессах, определив, хотя бы общим образом, их содержание. Несомненно, являются фактом общественного сознания оценки состояния уголовной политики, пусть нередко выраженные на субъективной основе и в алармистском духе. Следует приветствовать проявившееся стремление к дифференцированному рассмотрению политических теорий природы преступности, что особенно проявится в традиционной для отечественных работ критике либерализма, не всегда, правда, правильно понимаемого. Интересно стремление увязать политические процессы с состоянием уголовного законодательства и уголовно-правовой техники.

Вместе с тем, как уже отмечалось, по ряду причин, часто объективного характера, в юридической литературе не дано достаточного анализа сущности и содержания уголовной политики. Укажем лишь на некоторые проявления дефицита такого рода. В данном случае речь идет не о критике работ тех или иных авторов, но об уяснении их взглядов с целью представления иных подходов, которые хотелось бы видеть предметом полемики.

Прежде всего, отсутствует информационно насыщенное, обладающее различающим потенциалом, понимание природы, специфики политического, отличий политики от иных процессов, пусть стратегических, т.е. пределов и природы политической составляющей противодействия преступности (борьбы с ней, ее контроля, ликвидации и пр.). Это крайне сложная и спорная проблема. Ее решение могло бы определить и легитимировать предмет уголовно-политических исследований, обеспечить действительную новизну получаемой информации. Пока же уголовная политика определяется в лучшем случае как область отношений по поводу власти, господства и управления в обществе, как участие в делах государства, направление деятельности, а не деятельность в сфере борьбы с преступностью¹.

Возможно, такое положение сложилось потому, что юристы едва ли не полностью игнорируют современную политологию, ее понятийный аппарат и выраженные в ней взгляды, предпочитая обращаться только к своим предшественникам и ограничиваясь преимущественно обсуждением различий уголовной политики и смежных ее видов. Во всяком случае, отсылки к политологической литературе в публикациях обычно отсутствуют, а характеристика политических теорий если и дается, то скорее понаслышке. Так или иначе, уголовной политикой чаще всего именуется либо общие рассуждения специалистов в области уголовного права о тенденциях уголовного (и смежного) законодательства, предупреждения преступности, либо сами эти процессы.

Предмет уголовной политики как специфического социального процесса исчезает.

Далее, уголовная политика понимается практически, по существу, бессубъектно, только как функция государства, которая, по мнению большинства авторов, рассматривается как единый, внутренне монолитный, не противоречивый субъект социального действия с неограниченными возможностями². Обычно подчеркивается особо, что уголовная политика — это государственная деятельность, которая не может быть ни в каком

¹ При этом следует признать, что такое определение богаче, чем рассмотрение правовой политики как комплекса целей, мер, задач, программ, реализуемых в сфере права и посредством права. См.: *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 309.

² Сведение политики к государственной деятельности имеет место и в общей политологии. Однако здесь рассматриваются такие проблемы, как политика меньшинства, политическое поведение, относимое к широкому кругу субъектов, и другие не связанные с государством проблемы. См., например: *Политика: Толковый словарь: Рус.-англ.* М.: Инфра-М, 2001. 768 с.

объеме делегирована никому, а напротив, общество делегирует соответствующие полномочия государству. Объясняется это традициями, а обосновывается чаще всего лингвистическими соображениями, обращенными к реалиям социальных процессов. Например, необходимостью разграничения уголовной политики и политики противодействия преступности, также государственной¹.

Избыточное и необоснованное «огосударствление» уголовной политики влекло и влечет много последствий пережиточного характера. Укрепляется социальный патернализм, влекущий пассивность в среде противодействия преступности, и парадоксально связанный с этим уголовно-правовой популизм. Даже квалифицированные юристы нередко сводят уголовную политику к совершенствованию уголовного законодательства. Специфические задачи и механизмы реальных политических процессов в связи с использованием уголовного права по существу не ставятся. Соотношение политики и права не рассматривается. Обращение к уголовной политике обычно перерастает в статистический анализ преступности и рассуждения о возрастании ее угрозы. Конституционная характеристика ветвей государственной власти и их задач игнорируется. Проблема влияния политических сил и выбора оптимальных решений отсутствует. О деятельности политических партий и центров влияния речи нет. Противоречия социального развития в их современном состоянии и трудности выращивания институтов замалчиваются.

В итоге в полном противоречии с реальностью уголовная политика в юридической литературе представлена не как сложный процесс выбора, принятия и реализации решений в условиях постоянного дефицита политических и иных ресурсов, а в лучшем случае как интеллектуальный диктат. Собственно, отсюда и сосредоточенность на усилении централизованного управления и на необходимости постоянного усиления и так жестких уголовно-правовых мер.

Наконец, хотя это далеко не все, опасным проявлением дефицита, вероятно, деформирующим представления о реальной уголовной политике, является отсутствие хотя бы возможного обоснования предлагаемых суждений. В литературе нередко встречается избыточная критика деятельности государства в сфере действия уголовного закона. Возможно, она иногда правильна, но необходимой для ее обоснования информацией юристы, как правило, по природе юридической профессии не обладают. В особенности специалисты, занимающиеся экономической преступностью, плохо представляют себе экономические и системно более высокие политические ограничения уголовной политики. Сколько-нибудь серьезные рекомендации отсутствуют, и критика кажется наивной².

¹ См.: Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 48–49.

² Эта проблема является более общей, и ее рассмотрение иногда сложно не столько интеллектуально, сколько психологически. Не хочется повторять, что бесконечные заявления лиц, находящихся на государственной службе, о глобальной криминализации

Вывод. Имеющийся дефицит научного знания следовало бы устранить. Дальнейшие исследования политической составляющей процессов определения преступного и его устранения из социальной практики непременно должны, сохраняя, при необходимости, полемический характер, опираться на имеющиеся достижения политических и смежных с ними общественных и экономических наук. Таким образом, необходимо развитие ориентированной практически отрасли знания, которая бы реально отражала научные основы общей политологии, имела своим объектом уголовную политику как разветвленную социальную реальность, в своих целях и своими методами получала и перерабатывала бы информацию о состоянии и путях совершенствования борьбы с преступностью, как она признана законом, имея возможности проверять и аргументировать получаемые выводы.

Это предложение учитывает некоторые взгляды, ранее высказанные в литературе, но нуждается в обосновании, прежде всего путем обращения к реальным социальным потребностям.

Современные потребности страны в уголовно-политической информации. Они определяются реальным состоянием как преступности и порождающих ее явлений, так и процессов, связанных прежде всего с формированием и реализацией задач и средств уголовного права, его инфраструктуры, правового и кадрового обеспечения.

При этом нужно иметь в виду, что:

а) уголовная политика должна быть осознана как социальная реальность, т.е. институты, контекст, особого рода целеполагающая и инструментальная деятельность, и ее результаты, трудно распознаваемые и оцениваемые научным сознанием;

б) представляя собой системно высший, но не единственный способ воздействия на преступность, уголовная политика зависит от состояния социальных процессов, определяется ими, но может все же оцениваться по конституционности, собственной организационно-управленческой эффективности и социальной справедливости;

в) информация о реальном состоянии уголовной политики и проекты ее совершенствования принципиально субъективны, определяясь интересами и установками социальных сил, при этом оценки состояния уголовной политики и ее структурных элементов крайне трудно переводятся в действия и решения.

Потребности в получении уголовно-политической информации раскрываются, например, следующими вопросами.

Какие надежды возлагают на уголовное право общество в целом и отдельные социальные группы?

общественных отношений в России, о безудержной либерализации уголовного законодательства объективно вредны не менее, чем искажение исторических фактов, относящихся к прошлому.

Почему судимость в России резко отличается от судимости в иных странах, являясь, за некоторыми исключениями, и более высокой, и более суровой, но не более эффективной?

Если на протяжении очень многих лет не фиксируется статистикой действительное состояние преступности, то под влиянием каких системных факторов?

Кем реально, под чьим влиянием и правильно ли, т.е. справедливо и эффективно, сформирована система уголовно-правовых запретов, особенно в сфере новых социальных процессов, и соответственно каков реальный спрос общества на действие уголовного закона?

Может ли уголовное право быть беспристрастным и безопасным для лиц, не нарушающих интересы общества?

Каковы причины низкого авторитета системы уголовной юстиции, если он действительно таков?

Чего хотят и что могут делать политики в сфере действия уголовного права, каковы их возможности?

Перечень таких вопросов можно продолжить.

Но именно для ответа на них нужно получать информацию по меньшей мере о следующем:

- какова политическая составляющая процессов воздействия на преступность;
- какие решения признаются уголовно-политическими и каково их соотношение с законодательными, организационно-правовыми и правоприменительными решениями;
- кто, на какой основе и в каких процедурах принимает политические решения, которые должны так или иначе определять действие и эффективность уголовного права, его задачи и границы либо влиять на процессы их разработки и принятия;
- каковы научные и иные информационные основы, развитость, содержание и результативность общественного дискурса по вопросам уголовной политики;
- как осуществляется и достаточен ли государственный и общественный контроль за осуществлением уголовной политики.

Вывод. Необходимостью постоянного получения этой информации определяется обсуждаемое ниже понимание объекта и предмета уголовной политологии, а на этой основе ее методов и методик, задач и содержания.

Уголовная политика как объект уголовной политологии. Объектом уголовной политологии является вся уголовная политика как часть социальной политики, проводимой в контексте социальных процессов различного уровня, т.е., повторим, деятельность, институты, контекст деятельности, результаты. При столь общем подходе остается понять, каковы специфические черты этих составляющих, например, как реально осуществляются уголовно-политические процессы и в чем они состоят.

Уголовная политика, как бы она ни определялась юристами, обязательно имеет общие черты, присущие политике как социальной реальности и

разрабатываемые в политологии и смежных дисциплинах, и специфические черты, отражающие собственно ее природу и назначение. Игнорирование общих черт политики, ее природы, свойств, содержания, структуры по существу полностью исключает возможность представления уголовной политики как целостного, реально существующего объекта.

Практически это означает, что уголовно-политические решения принимаются и должны приниматься в структуре социальной политики внутри системы иных политических решений. Это крайне важно, с одной стороны, для подавления ведомственного эгоизма и профессиональной агрессивности юристов, чаще всего, правда, выражающейся в риторике, а с другой — для обеспечения учета всех необходимых факторов.

В литературе представлены различные, хотя часто и весьма туманные характеристики политики и ее различные модели как объекта¹. В данном случае внимание привлекается лишь к тем общим чертам политики, которые наиболее существенны для представления как объекта политики уголовной.

Политическая составляющая политики. Такая постановка вопроса кажется странной, но она необходима, ибо содержание и структуру политики образуют самые различные виды деятельности. Это наглядно показала ситуация экономического кризиса, когда политические структуры совершенно обоснованно взяли на себя решение экономических проблем, спасение банков, финансирование предприятий, предупреждение безработицы, а до этого — проблему пенсионных льгот, распределения лекарств, даже оплаты транспортных расходов.

Применительно к уголовному праву разграничение юридического и политического вообще крайне важно. Чрезвычайно упрощенно можно сказать, что здесь средствами политики принимаются предправовые, содержательно регулятивные решения, а в сфере юридической политика ограничивает себя обеспечением перевода этих решений в нормативно-правовую форму. Поэтому неточно считать, что криминализация и декриминализация являются в целом методами политики и уголовной политики. Здесь именно необходимо различать политическую составляющую и процесс ее юридической реализации. В политологической литературе проблематика политической составляющей, следует признать, решается более чем неопределенно. Однако в нуждах уголовной политики и, главное, практики рассмотреть ее необходимо.

При ориентированном на практическое употребление определении политического качества деятельности можно согласиться с позицией Г.Ю. Лесникова о том, что тот или иной вопрос является (становится) политическим, когда он затрагивает большие массы людей, страну, государство, части государства. Вопрос может быть политическим какое-то время, затем перестать быть таковым².

¹ См.: Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учеб. для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 53 и сл.

² См.: Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004.

К этому соображению следует добавить ключевые слова, соотносимые с политической составляющей, а именно: власть, понятие власти, структуры власти, компетенция, сильные конституционно и реально институты, конкуренция как преодоление дефицита власти, ликвидация препятствий, воля, дискурс и согласие, обеспечение, придание импульсов, постановка сверхбарьерных задач и др.

Российская практика подтверждает это. При всей осторожности оценки борьбы с коррупцией она началась на основе политических решений. В то же время наличие ведомственных центров, способных погасить друг друга, ломает реформы при отсутствии вмешательства политических сил.

При этом принимается во внимание, что по глубинным практическим соображениям, независимо от лингвистических изысков и структуры программы юридического образования, при принятии уголовно-правового решения необходимо обеспечить достаточность уголовно-процессуальных процедур, возможностей уголовно-исполнительной практики, расширение либо изменение или отмену мер криминологического характера.

Нет особых причин возражать против выделения различных видов или подсистем политики борьбы с преступностью или противодействия ей. Важно только учитывать два обстоятельства: материальное уголовно-правовое решение является исходным, без него не нужны иные виды деятельности, уголовная политика должна обеспечивать принимаемые решения, в том числе средствами профилактики.

Субъектность уголовной политики. Об этой черте политики в работах уголовно-правового цикла пишут мало и сводят круг субъектов к государству, не разъясняя, что при этом имеется в виду. Между тем политика охватывает широкий круг субъектов, имеющих противоречивые, часто конфликтные интересы, деятельность, процедуры деятельности и ее результаты. Деятельность субъектна, ибо она вполне реально осуществляется различными политическими структурами, отражающими истинные или ложные, осознанные или неосознанные интересы различных социальных групп, борющихся за влияние и власть, либо представителями этих структур. Этими структурами, о чем писал еще В.И. Ленин, могут быть, но трудно сказать, насколько стали, партии, средства массовой информации, профсоюзы, объединения и др.

Активно-конкурентный характер политики. Это тоже плохо представлено применительно к уголовной политике. Она нередко понимается как некоторое качество, набор целей, задач, в лучшем случае указание на процессы, объявляемые политическими без выявления их реальности.

Между тем политика в стране — это все-таки несколько политик, каждая из них различна по целям и способам осуществления целей: интеллектуальная, физическая, организационная и любая иная деятельность. Деятельность в сфере политики и уголовной политики можно представить как некоторый набор постоянных и временных проблем, разрешаемых в политических целях и специфическими политическими методами (способами) на основе сложившихся процедур различной авторитетности. Во всех слу-

чаях в основе политики, что общепризнано, лежит конкуренция, направленная на получение всегда дефицитной власти. Отсюда проблемы усилий, затрачиваемых в сфере политики, ее издержек, профессионализма, функциональности, обоснованности целей, идеологичности, конкурентоспособности, адаптационных возможностей. В этом смысле показательно мнение А.И. Соловьева о том, что «...политика предстает как внутренне обратимое, принципиально неравновесное явление, в котором переплетены сознательные и стихийные действия, организация и дезорганизация. Порядок и хаос, баланс и дисбаланс, стабильность и нестабильность, устойчивость и неустойчивость»¹. Это проявляется и в уголовной политике, наиболее шумно — в критике так называемой либеральной уголовной политики.

Процедурность и нормативность политики. Политическая деятельность, особенно в сфере действия уголовного закона, процедурна, хотя и не обязательно нормативна. Она осуществляется по некоторым провозглашаемым субъектами политики правилам либо сложившимся технологиям. Процедуры деятельности могут быть конституционно-правовыми, эффективными, признаваемыми в ходе политической конкуренции или не признаваемыми. Нормативность может быть потенциальной и реализованной.

Объективная необходимость политики. В определенном смысле понятие политики отягощено негативными ассоциациями. Даже в работах квалифицированных юристов пишут о необходимости деполитизации права, преодолении политизированности правоприменительных решений. Между тем в этих случаях речь идет, хоть и не вполне осознанно, об элиминации частных негативных целей. Становление политики в принципе отражает потребности сил, которые ее проводят. В основе целей политики, однако, лежат не только социальные интересы, но и в не меньшей степени политические идеология, сознание, культура и иные формы общественного сознания, а также сложившаяся на основе традиций меняющаяся активность участников политических процессов. Во всяком случае, кажется совершенно необходимым принятие политических решений, их сопоставление (крайне трудно осуществимое) с логикой социального развития.

Результаты уголовной политики. Это те решения и осуществленные меры, которые, так или иначе, признаны легитимными и, определяя состояние уголовной политики, реально отражаются на использовании собственно уголовно-правовых средств в соответствии с поставленными задачами. Такая характеристика уголовной политики могла бы отражать ее бесконфликтное осуществление.

Как уже отмечалось, отражая политическую конкуренцию, уголовная политика страны не всегда едина, поскольку различные проблемы решаются неодинаково. Так, ощущаются и фиксируются несомненные различия в уголовной политике в сфере коррупции и в сфере насильственной преступности.

¹ См.: Соловьев А.И. Указ. соч. С. 60.

Разделение властей и задач ветвей власти должно с точки зрения действующего закона влечь разные подходы к политике, что особенно наглядно проявляется в состязательном уголовном процессе, а во многих случаях проявляет себя излишне жестко в виде ведомственных конфликтов. Наконец, в современном обществе формируются юридически признаваемая уголовная политика и уголовная политика, отражающая групповые интересы.

Ввиду изменчивости социальных процессов, а также отмеченной сложности определения политической составляющей деятельности, процедур и результатов, в ходе которых осуществляется разноуровневое воздействие на преступное поведение, реальные границы уголовной политики так же изменчивы, как изменчивы объект и предмет уголовного права.

Вывод. Объект уголовной политики — это все связанные с преодолением дефицита власти процессы и структуры, необходимые для определения и преодоления преступного поведения на различных уровнях.

Предмет уголовной политологии. Он в еще большей степени, чем ее объект, формируется практическими потребностями, которые удовлетворяются с соблюдением возможностей и границ общей политологии. Именно поэтому, как и объект, предмет политологии должен определяться постепенно, на основе накопления научного и практического опыта. Однако он не обязательно должен быть сориентирован на структуру юридической науки, зато непременно адаптирован к потребностям борьбы с преступностью. Разумеется, уголовное право — наука самостоятельная, и она по отечественной традиции развивается отдельно от уголовного процесса, опираясь на различные правовые акты и доктрины. Но слишком жесткое разграничение вредно, и на практике оно не действует. Криминализация деяния невозможна без процессуального установления его признаков. Решения политического характера должны быть комплексными и принципиально не могут сводиться к юридическим проблемам.

С учетом этого можно выделить следующие, рамочные для юриспруденции, содержательно-структурные элементы предмета и соответственно системы уголовной политологии.

Общая часть:

- методологические и науковедческие проблемы уголовной политологии; теории и парадигмы уголовной политологии; соотношение научного и обыденного знания; система уголовной политологии, ее внутренние и внешние связи, методика уголовно-политических исследований; проблемы верификации (проверки) их результатов;

- социальная природа и назначение уголовной политики; социальные и гносеологические корни уголовной политики; спрос на развитие уголовной политики; свойства уголовной политики; уголовная политика в структуре социального управления; понятие политического в процессах установления границ и наказуемости преступности и в сфере борьбы с нею, политическая власть;

- система уголовной политики; политическая деятельность, коллективные и индивидуальные политические процессы; субъекты уголовной поли-

тики, единство и разграничение компетенции субъектов уголовной политики, государственные структуры, политические и научные элиты, партии, общественные объединения, социальные группы, индивиды; инфраструктура уголовной политики, информационные, ресурсные, кадровые и иные предпосылки и условия;

- политические процессы и политическая деятельность; конкуренция в сфере власти и влияния, специфические цели уголовно-политической деятельности, этапы политических процессов, организационное и информационное обеспечение, мониторинг, выявление проблемных ситуаций, постановка задач, разработка общих программ и отдельных позиций, обоснование позиций и получение поддержки, лоббизм в структуре уголовной политики, реализация позиций и принятие решений;

- мониторинг политических процессов; социальный контроль, оценки состояния уголовной политики; конституционность, справедливость, эффективность, определение иных критериев оценки уголовной политики; пригодность оценок и их критериев для использования в социальном дискурсе и получения поддержки общества.

Особенная часть: отдельные направления уголовной политики; тактика их реализации; организация коммуникационных процессов; социальный дискурс, нормативные и стихийные процессы; особенности разработки, обоснования, принятия и реализации отдельных действий и решений.

Такое понимание предмета уголовной политологии порождает сложную проблему отнесения ее к юридической или политической науке. Вероятно, окончательно этот вопрос решить невозможно. Однако оснований для особого пессимизма здесь нет. Соответствующие трудности не помешали становлению и развитию криминологии, социологии уголовного права, криминалистики. Пути решения проблемы состоят в адаптации политологии, политической экономии и ряда иных политических наук к нуждам юристов и включении релевантных элементов этих наук в ткань уголовной политологии. Это действительно сложно, но и петь старые песни без новых эмоций тоже не полезно.

В качестве примера, возможно недостаточного, рассмотрим с позиций понимания предмета уголовной политологии процесс обсуждения проблемы криминализации и пенализации — декриминализации и депенализации преступности.

Решения в сфере (де)криминализации и (де)пенализации, будучи сколько-нибудь масштабными или даже не будучи таковыми, затрагивают интересы различных структур и социальных групп, публичной власти в целом, всех налогоплательщиков, больших групп адресатов, например автовладельцев, ограничивая права одного круга лиц и расширяя права другого круга лиц. Эти решения принимают или не принимают форму закона и, следовательно, вырабатываются политическими субъектами с позиций общественных интересов и реализуются на национальном уровне. В основе таких решений в первую очередь лежит информация и соображения, отно-

сящиеся к перераспределению выгод и издержек. Именно такие интересы определяют право как материальную основу закона. Юридическое сопровождение этих проблем крайне важно и является обязательным условием их решения. Но науки криминального цикла не обладают возможностями социально-экономического анализа. Ни одна серьезная юридическая работа не может решать вопросы ценообразования, конкуренции на рынке и пр. Это, например, осознали авторы Основного закона ФРГ, провозгласив начало конституционного нейтралитета в экономике и ограничившись установлением основных прав.

Правда, некоторые юристы позволяют себе на основе собственных экономических и политических оценок предлагать те или иные уголовно-правовые новеллы или указывать на их необходимость. Но, даже обладая любительскими или профессиональными познаниями, что бывает крайне редко, юристы не могут для подтверждения таких оценок ссылаться на какие-либо аргументы, укорененные в уголовном законе или уголовно-правовой доктрине. Именно поэтому они вынуждены объяснять наступившие, с их точки зрения, беды отказом от понятийных оборотов типа «борьба с преступностью», «безудержная либерализация» и прочими лингвистическими изысками либо в лучшем случае — ссылками на рост преступности, практически же основываясь на утратах собственных ценностей либо стихийно сложившихся политических предпочтениях.

Сущностные же вопросы экономики, например регулирования финансовых рынков, банкротства, должны решать политики, отражая соотношение интересов или их группы и привлекая, разумеется, специалистов различных профилей.

В свою очередь, юристы именно и только на основании политических решений могут предлагать, например, адекватные формы вины для соответствующего уголовно-правового запрета, и то передавая политикам окончательное решение даже и по этим вопросам.

Соответственно в системе уголовной политологии следует конкретизировать соотношение политического и юридического хотя бы путем разработки перечня видов информации и решений, которые находятся в сфере компетенции политиков, и, что очень важно, определить связи между политическими и юридическими решениями. Это, в частности, ожидаемые финансирование, расширение кадров, изменение компетенций и ограничение прав, предполагаемое отношение к предлагаемым проектам населения в целом и отдельных групп влияния, распределение издержек, политически допустимое, и пр.

Для ответа на эти вопросы должна реально функционировать функционально и организационно отлаженная система уголовной политики, отнюдь не исчерпывающаяся государственными общими и специализированными структурами. В современных условиях такая система существует реально, поскольку так или иначе различные центры влияния разрабатывают уголовно-политические позиции, обладая нередко весьма существенными возможно-

стями их реализации. Но здесь нужно добиваться разумного использования действительных возможностей, избегая, например, передачи юридических функций министерствам, не располагающим юридико-техническими компетенциями.

В итоге нужно добиваться получения политических позиций и решений по действительно важным проблемам уголовно-правового воздействия, например относительно необходимости усиливать уголовно-правовое давление на должников-индивидов, вовсе не повинных в кризисе банковской системы.

Крайне необходима настройка определенных структур на обеспечение при криминализации поведения поддержки населения, доверия к правоохранительной системе. И это также требует политической составляющей, ибо ныне как будто бы считается, что высказанное в рамках полемики спорное мнение юриста будет непременно поддержано теми, от кого зависит его реализация.

В системе уголовной политологии поэтому нужно разрабатывать на новой основе методику дискурса, т.е. межличностных коммуникаций, кстати, очень неплохо развитую во многих общественных науках и весьма широко использовавшуюся в условиях ушедшей формации.

Такая постановка вопроса может показаться избыточной. Но ее необходимость подтверждается накопленным ранее опытом создания условий эффективности предупреждения преступности. В свое время была показана полезность специального информационного обеспечения предупреждения преступлений. Сейчас это еще более актуально. Достаточно сказать, что практически не отслеживаются изменения, вызываемые принятием новых уголовно-правовых запретов, например реальное воздействие на поведение группы запретов, относящихся к избирательному процессу. В результате политический мониторинг уголовного закона или отсутствует, или осуществляется крайне выборочно. А для общества он крайне необходим.

Вывод. Общие черты предмета уголовной политологии уже, в сущности, заданы потребностями практики. Дальнейшее его развитие и совершенствование возможно лишь в процессе научного обсуждения.

Место уголовной политологии в системе общественных наук. Здесь стоит выделить три вопроса, подлежащих обсуждению.

Первый — о статусе уголовной политологии.

Второй — о ее связях с общественными неправовыми дисциплинами.

Третий — собственно о месте уголовной политологии в структуре наук криминального цикла.

Это крайне важные вопросы, и от ответа на них вообще зависит судьба научной разработки уголовной политики. Здесь, однако, попытаемся высказать лишь самые краткие соображения.

Признание самостоятельного статуса уголовной политологии может вызывать резкие возражения, если оно будет связано с обязательным введением ее в систему профессионального юридического образования. Вначале,

однако, следует решить вопрос о статусе уголовной политологии в структуре научных исследований и информационного обеспечения общих процессов борьбы с преступностью. На наш взгляд, проведение такого рода исследований, как показано выше, предопределено потребностями практики. Уровень анализа процессов борьбы с преступностью должен быть повышен, и именно за счет анализа их политической составляющей. Для этого необходимы системность, адаптированные методики, опора на более или менее осмысленные исходные положения. Все это способна дать отдельная структурированная и осмысленная в традициях правоведения система знаний.

Второй вопрос относится к связям уголовной политологии и общественных неправовых наук. Здесь необходимо, как уже отмечалось, по меньшей мере осваивать опыт политологии, осознавать ее находки и неудачи. Вместе с тем в политологической литературе подчеркивается открытый характер политологии, отсутствие жестких границ между философией, социологией, экономикой и политологией. Это, несомненно, относится и к уголовной политологии, которая способна информационно обеспечивать политические решения, например данными социологии.

Наконец, место политологии в системе наук криминального (уголовно-правового) цикла. Вероятно, она должна быть системно наиболее высокой и вбирать в себя условия, технологии и ограничения уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминологии, юридической психологии. Уголовное право при всей его разработанности способно лишь определить границы и содержание запрета, «высказать упрек». Но превращение проекта в уголовный закон и его реализация требуют большего, а именно средств установления фактов, способов выявления издержек, отношения адресатов запрета к его содержанию, организации правоприменительной и судебной практики.

Правильно ли это или нет, но практика показала, что без такого обеспечения уголовно-правовые запреты в лучшем случае остаются научной литературой.

Вывод. Обращение к уголовной политологии не только не снижает значения широкого круга отраслей знания, но создает дополнительный механизм для расширения предмета и использования их возможностей в сфере борьбы с преступностью.

Возможности практического использования данных уголовной политологии. Это крайне сложный вопрос, относящийся к правовой науке в целом. Но здесь возникает более острая, чем в иных случаях, проблема адресатов. Трудно рассчитывать на прямое использование уголовной политологии субъектами политической деятельности. Вместе с тем юристы должны использовать уголовно-политологическую информацию не только в качестве основания проектирования уголовного законодательства, но и для выработки позиций правоприменительной практики и процессов ее осуществления, для определения системы политических ожиданий, условий реализации мер уголовно-правового регулирования.

Вывод. Практические возможности использования уголовной политологии зависят от очень многих обстоятельств. Но ее содержание, несомненно, может быть весьма полезным для многих групп адресатов, во всяком случае для субъектов политической деятельности и юристов.

Уголовная политология: необходимость уголовно-политической разработки концепции адаптационной модернизации (обновления) уголовного права: современные вызовы и борьба за уголовное право¹

В данном материале с учетом результатов работы исследовательской группы Центра правовых и экономических исследований будет дана общая характеристика поставленной проблемы, а затем кратко рассмотрены: потребность обращения к возможностям уголовной политологии и исходные положения этой находящейся на этапе становления отрасли знания; некоторые подходы к ответам на современные вызовы, стоящие перед уголовным правом; содержание политической борьбы за модернизацию уголовного права; некоторые дополнительные (к опубликованным ранее) суждения о содержании модернизации этой важнейшей правовой отрасли. Во всех случаях содержание данного материала рассматривается как некое дополнение к публикациям Центра правовых и экономических исследований, включая настоящее издание, с неявной ориентацией на действие экономического уголовного права в условиях быстрых социальных и правовых перемен.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ

Она состоит в необходимости продолжить исследовательскую и практическую работу по модернизации (обновлению) уголовного законодательства, а для этого осмыслить некоторые результаты, достигнутые в процессе модернизации уголовного законодательства, и попытаться указать на проблемы, нуждающиеся в дальнейшем исследовании и, естественно, в практическом решении. Общеизвестна необходимость периодического анализа соотношения между сделанным и тем, что предстоит сделать в сфере правового развития.

¹ Текст опубликован: Сайт Центра правовых и экономических исследований. 2011 г.: < http://lecs-center.hse.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=157:zhalkinsky-criminal-politology&catid=39&Itemid=30&lang=en >.

Оценка сделанного в сфере модернизации уголовного права, проведенных исследований, реализации предложений и их результатов приводит к выводу о том, что на современном этапе должны быть продолжены модернизационные процессы. Но дальнейшая исследовательская и внедренческая работа должна быть адаптирована к происшедшим и происходящим переменам в правовой системе и обществе в целом. При этом именно уголовная политология как наука об уголовной политике, наряду с экономической наукой, должна широко использоваться в нуждах того, что можно несколько неуклюже, но точно назвать адаптационной модернизацией уголовного законодательства и реализации уголовного закона или их оптимизацией на основе согласуемых представлений об общественном благе.

Обосновывается такой вывод как социальными реалиями, что наиболее существенно, так и логикой развития системы наук о действии уголовного закона. Действительно, меняются позиции субъектов социального действия, их требования и ожидания, иной становится активность. Правовая наука развивает современные представления о границах и содержании релевантного к уголовному закону знания, что проявляется в становлении уголовной политологии, развитии криминологии, получении новых результатов уголовной социологией и пр.¹

Некоторые соображения о сделанном. В Российской Федерации, как, собственно, и во многих иных странах с развитой правовой системой, проводилась значительная работа в целях реального обновления уголовного права по вектору его адаптации к социальным потребностям. В нашей стране, при всех сложностях решения этой труднейшей задачи, достигнуты определенные успехи. По инициативе высших органов государственной власти в ответ на обращения различных социальных институтов и сил внесены такие изменения в уголовный закон, которые уменьшили население мест лишения свободы, способствовали обеспечению легитимности, справедливости и эффективности законодательных и правоприменительных решений. Одновременно в результате активизации аналитической деятельности получены новые данные о механизме действия уголовного закона, факторах, которые определяют состояние правоохранительной системы и поведение лиц, уполномоченных применять правовой закон, иных обстоятельствах, влияющих на результаты действия уголовного закона.

Как это нередко бывает, однако, первые, еще недостаточные успехи выявили реальные трудности дальнейшего продвижения в избранном направлении, что вполне можно считать успехом.

К слову сказать, эти трудности в значительной степени программируются общей природой уголовного права, и попытки их преодоления предпринимаются во многих, внешне весьма благополучных странах.

¹ Дополнительные соображения об этом и обзор литературы см.: Жалинский А.Э. Уголовная политология: становление и развитие // Право и политика. 2010. № 5. С. 826–835.

Собственно, именно получение информации такого рода и инициировало обращение к вопросам уголовной политологии, а накопленный опыт и знания создали лучшие условия для развития и практического использования этой отрасли науки.

Некоторые исходные положения уголовной политологии. В предельно кратком изложении они таковы.

А. Политические факторы и соответственно достижения общей и уголовной политологии должны широко использоваться в целях адаптационной модернизации уголовного законодательства, равно как и правовой системы в целом. При этом следует учитывать специфику взаимодействия политики и права. Соотношение политической и правовой составляющих в действии уголовного закона должно состоять в том, что политика определяет в существующих конституционных границах цели действия уголовного закона, обеспечивает его возможности, добивается социальной поддержки граждан как источника власти, вовлекая их в выбор решений, имеющих всеобщее значение, а право закрепляет (юридизирует) принятые решения, обеспечивая их легитимность, стабильность, точное исполнение и предсказуемость, либо отказывает в этом. Уголовная политика должна быть правовой, опираясь на конституцию страны, но в определенном смысле она предшествует праву и воздействует на выбор права. Задачи уголовного закона определяются в значительной мере политикой, но, будучи определены, они фиксируются в законе и без изменения закона трансформированы быть не могут.

Б. Нужна особая разработка уголовной политологии в целях модернизации уголовного законодательства по всем необходимым направлениям, а также создания требующихся для этого условий. Обществу должно быть доказано, что та или иная новелла нужна; она способна дать такие-то результаты, соответствует таким-то интересам и в принципе осуществима в наличной ситуации.

В процессе модернизации уголовного законодательства принимаются собственно политические решения о потребности изменения закона, возможностях такого изменения, необходимых инвестициях и пр. Юридические решения в своей основе должны перевести победившие политические решения в форму закона.

Информационные основы и процедуры принятия политических и собственно юридических решений в целях модернизации уголовного законодательства должны быть различны.

Процесс принятия решений, соотносимых с уголовным законом, поэтому принципиально продолжителен и принципиально осуществляется на основе различной информации и различных процедур, что и определяет отличия предмета уголовной политологии от предмета иных уголовно-правовых наук.

Систему максимально осмысленных суждений по этой проблеме можно назвать концепцией, выразить в виде программы, развить как теорию, включаемую в предмет и уголовной политологии, и науки уголовного права. Содержа

жательно такая система суждений, в частности, может основываться на идеях и практических предложениях, разработанных коллективом Центра правовых и экономических исследований под руководством Е.В. Новиковой (Т.Г. Морщакова, В.И. Радченко, А.Г. Федотов и ряд других исследователей, у которых я прошу прощения за то, что этот список не продолжен), а также, разумеется, и иными специалистами в области уголовно-правовых наук, работающими в других научно-исследовательских и образовательных учреждениях и организациях, естественно, на идеях, содержащихся в трудах ряда выдающихся экономистов, и, разумеется, на уже имеющейся эмпирической информации. При этом должны быть рассмотрены вызовы общества и власти, предъявляемые к уголовному праву, возможности и способы достижения согласия о содержании ответа на них, наконец, собственно оптимума этих ответов.

В. Развитие уголовной политологии требует значительных усилий. Достаточно сказать, что здесь необходимо получение существенного объема информации о статике и динамике позиций общества и отдельных социальных групп в сфере действия уголовного закона.

Практика, на которую ориентировано такое понимание, убедительно показала вместе с тем, что осуществить процесс уголовно-правовой модернизации без социальной поддержки невозможно. И этого достаточно для усиления внимания к разработке уголовной политологии и к ее выводам.

2. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Если признать существование вызовов общества к уголовному праву, а это признание неизбежно, то понятна актуальность проблематики ответа на эти вызовы. Она в кратком изложении включает осознание социальной ситуации и, тем самым, содержания вызовов, предполагает понимание и выбор необходимой реакции на вызовы со стороны субъектов власти в широком смысле этого понятия. Обратимся к этим проблемам.

Понятие вызова, вероятно, скорее метафорическое, но все же информационно емкое. Во всяком случае, оно обозначает объективно или субъективно определенные суммы некоторых ожиданий или надежд, которые на различных социальных уровнях связываются с уголовным законом — в том состоянии, в котором он признается оптимальным на основе взвешивания различных его параметров. Вызовы могут отражать реальные или ложные потребности, переводя их в форму поддерживаемых определенными силами обращений к определенным центрам власти. Анализ вызовов, в отличие от анализа обращений, позволяет выявить возможную социальную поддержку общественных сил и, соответственно, строить уголовную политику. Говоря просто, анализ вызовов дает возможность понять, чего хочет общество, включающее различные социальные группы, что оно будет реально поддерживать и пр. Еще проще говоря, осознание вызовов — это осознание необ-

ходимой работы в сфере адаптационной модернизации уголовного закона, разумеется, не только его.

Под вызовами (именно современными) здесь понимаются существующие потребности в обновлении уголовного законодательства, т.е. в его адаптации к изменениям, происходящим в обществе. Основания вызова — это либо неполучение возможных благ, либо причинение или угроза причинения реального ущерба гражданам, обществу, государству.

Ниже, с неявными по техническим причинам отсылками к работам российских специалистов, указывается на обязательность мониторинга современной социальной ситуации, определяющей необходимость обновления уголовного права, т.е. вызовы общества; интеллектуальные предпосылки обновления уголовного права; некоторые направления обновления уголовного права. В основе анализа лежит идея перемен, лапидарно описанная формулой тектонического сдвига, выдвинутой проф. Е.Г. Ясиным, а для состояния собственно права рассматривавшаяся в теории так называемой аномии — умирания старого и слабости нового права.

При этом устанавливается, что все эти вопросы требуют применения инструментально-целевого подхода на основе коллективного обсуждения принимаемых решений. Здесь возникает множество трудностей. Интересы различных социальных групп противоречивы. Реальные потребности в действии уголовного закона неясны. Найти баланс стабильности уголовного закона и процессов его обновления трудно. Представления о справедливости и эффективности уголовного закона и практики его реализации нечетки.

Современная социальная ситуация, в которой формируются вызовы, применительно к задачам исследуемого направления правовой модернизации описана в работах многих исследователей, в том числе опубликованных в настоящем издании.

Применительно к рассматриваемой проблеме здесь выделяются, но не характеризуются две группы истинных и ложных вызовов:

а) соотносимые с уголовным правом социально-экономические;

б) собственно уголовно-правовые, т.е. относящиеся к состоянию уголовного законодательства.

Социально-экономические вызовы. Они противоречивы. Необходима более эффективная охрана жизни и здоровья, общественной безопасности, а в сфере экономики — собственности и контрактов, в целом — свободы предпринимательской деятельности, ограниченной интересами работника, налогоплательщика, условиями добросовестной конкуренции и пр., что связывается обществом с расширением пределов действия уголовного закона и его ужесточением. Вместе с тем остро ощущается потребность в сужении пределов действия уголовного закона и в меньшей интенсивности его действия, т.е. в декриминализации и депенализации.

В качестве методически важных примеров целесообразно воспроизвести уже сказанное о ряде актуальных вызовов в сфере экономики такими авторами, как В.И. Радченко, А.Г. Федотов и др.

Это — отказ от оценки поведения, приведшего к экономическому кризису. Он порождает недоверие общества к различительному потенциалу уголовного права, вызывает сомнения в защищенности ведущих направлений экономической деятельности (банки, рынок ценных бумаг, работа регуляторов и т.п.). Далее, это трудности выбора между правомерным и противоправным поведением в сфере «новой криминализации», преимущественно распространяющейся на сферу экономики. Наконец, коррупция, порождающая деформацию экономических решений. В итоге возникает сложное сочетание бессилия и избыточной власти уголовного закона.

Уголовно-правовые вызовы. Состояние уголовного законодательства и практики его реализации оценивается обществом крайне противоречиво. Оно признается избыточно репрессивным и подвергается со стороны общества и власти жесткой критике. Распространенным стало утверждение о несоответствии судебной системы потребностям общества.

Вместе с тем, как показано в литературе и очевидно проявляется на практике, приветствуются серьезные меры исправления создавшегося положения. В действующие Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации только в 2009—2011 годах внесено много изменений, направленных на их гуманизацию. Правоприменительная практика побуждается различными средствами к экономии репрессии по экономическим преступлениям. Но в то же время более настойчивыми стали требования усиления наказания за преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности несовершеннолетних и половой свободы, семьи и несовершеннолетних. Все больше внимания привлекают экологические преступления. Рациональность и обоснованность этих вызовов еще должны быть оценены, но без внимания не могут быть оставлены.

При всем сделанном, однако, уголовное право, как наиболее жесткий инструмент социального регулирования, став совершеннее, продолжает нуждаться в постоянном контроле и периодической переналадке на основе начал законности, эффективности и справедливости. Требуется, чтобы решения суда были всегда разумно предсказуемыми, основываясь на действующем законе. Они должны одобряться обществом или большинством общества, вести к обеспечению правопорядка при минимально необходимой репрессии.

Наконец, опасно то, что легитимность ряда уголовно-правовых запретов также должным образом в глазах общества не обоснована, даже если она наличествует. Она подвергается сомнениям даже со стороны профессионалов. Отсутствует надлежащее согласие о соотношении уголовной, гражданской и административной ответственности. Эффективность применения уголовного закона обществу неясна, и деятельность критиков, по существу являющихся провокаторами, отпора не получает. Это противоречивая проблема, и она должна обсуждаться в конкретике и спокойно.

3. СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕАКЦИИ НА АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Реакция на вызовы всегда и везде, повторим, нуждается в мониторинге, переоценке и совершенствовании. Это в достаточной мере обосновывается уже тем, что и собственно социальные процессы, и преступность, и состояние правовой системы весьма изменчивы и предсказуемы иногда столь же надежно, сколь и цены на нефть.

Рассмотрим с этих позиций некоторые составляющие реакции на вызовы, которая здесь понимается как модернизация или обновление уголовного законодательства в сфере экономики.

А. Интеллектуальные предпосылки обновления уголовного права. В целом их можно определить как обеспечение инструментального подхода к стратегии обновления и отдельным решениям. Нужна такая максимизация информации о действии уголовного закона, которая, по меньшей мере, позволит создавать его проверяемые модели. Интеллектуальными предпосылками, во всяком случае, можно считать: расширение использования социально значимой информации, социальный дискурс, критическую оценку состояния уголовно-правовой мысли, включая уголовно-правовую науку.

Расширение использования информации должно ориентироваться на обновление уголовного законодательства по современным и проверяемым критериям его легитимности, справедливости и эффективности. В современной, быстро меняющейся социальной ситуации необходимы отказ от распространенных мифов и осознание характера экономических интересов, актуальных требований общества и различных социальных групп по отношению к уголовному праву.

Реакция на вызовы, стоящие перед уголовным правом, обязывает постоянно выявлять реальные возможности, оптимальные цели, способы, последствия предполагаемого обновления уголовного законодательства. Это особенно относится к неявным процессам перераспределения реальных возможностей и полномочий использования уголовного права в собственных интересах, к их воздействию на экономическое и иное поведение граждан. Только так можно опровергнуть устойчивые мифы о действии уголовного права и вести рациональную уголовную политику.

Преобразование такой информации в интересах обновления уголовного законодательства осложняется переходным характером современной социальной ситуации.

В точках перелома или ускоренного социального развития собирание и оценка социальной информации осуществляются в условиях острого дефицита времени. В обществе возможно сопротивление переменам, становятся более популистскими требования к уголовному праву. Информация о необходимости гуманизации уголовного закона наталкивается на ведомственные интересы. Преодоление этих трудностей в процессе подготовки и принятия уголовного законодательства требует существенных ресурсных затрат.

Наконец, составляющей реакции на вызовы является *конкретизация социального дискурса*. В существующих условиях особенно важно попытаться достичь профессионального и общественного согласия о целях и путях обновления уголовного права, причем в условиях доступа к информации, ее переработки в нуждах уголовного права и отбора для обсуждения действительно важных проблем.

При этом учитываются по меньшей мере три обстоятельства.

Первое. Оценка уголовного права формируется постепенно и противоречиво. Она дается как материал для обсуждения и лишь на основе общественного согласия о значимости и обоснованности выдвигаемых позиций. Роль уголовно-правовых наук является важной, но переоценивать ее нельзя. В частности, следует отказаться от формулирования суждений по типу: «это так, потому что это мной говорилось много раз и много лет тому назад».

Второе. Все национальные системы уголовного права функционируют принципиально одинаково и страдают одними и теми же болезнями. Различаются их интенсивность и детали их протекания, т.е. в общем — детали. Из этого следует, что информационная база принятия решений должна строиться по вертикали, отражая процессы действия уголовного закона во времени, и по горизонтали, отражая результаты сравнительного правоведения.

Третье. Уголовное право своими сущностными чертами как наличными условиями, своим тезаурусом, содержательными средствами определяет пределы своего обновления. Это значит, что любая уголовно-правовая реформа вынуждена учитывать действие сложившихся институтов уголовного права, в частности соотношения материального и формального понятия преступления, содержания субъективного вменения, пределов усмотрения суда и пр.

Ответы на вызовы и учет современного состояния уголовно-правовой мысли определяют выбор направлений и возможности обновления уголовного права.

Прежде всего необходимо ввести в практический оборот понятие уголовно-правовой мысли и постоянно ее учитывать. Уголовно-правовая мысль охватывает вполне реально, но не всегда достаточно осознанно как науки уголовно-правового цикла, так и различного рода суждения об уголовном праве, выраженные в иных формах общественного сознания: от фольклора до религии. Современная уголовно-правовая мысль сильно влияет на процесс обновления уголовного закона, его содержание и темпы. Собственно говоря, нет никаких оснований утверждать, что поговорки и пословицы меньше влияют на состояние вызовов, обращенных к уголовному праву, чем диссертации на ту или иную тему, хотя и хочется, чтобы это так было.

В структуре уголовно-правовой мысли следует различать несколько составляющих.

Первая — суждения, по которым имеется определенное согласие и нет оснований к их опровержению, во всяком случае актуальными методами проверки.

Вторая — практически важные, но нерешенные проблемы.

Третья — суждения, не имеющие практического смысла, но поддерживающие традиционные представления и взгляды.

Их следует рассмотреть, хотя бы очень кратко. Приведем примеры.

Суждения первой группы, по которым достигнуто определенное согласие.

Важнейшее из них — это утверждение о том, что современное уголовное право доказало свою необходимость. Принято считать, что оно выполняет функции легитимации и легализации наиболее острых форм принуждения, необходимого для поддержания социального мира. Общество не может от уголовного права и закона отказаться, но недовольно его состоянием. Мысль о кризисе уголовного права при этом является распространенной.

Вероятно, единодушным является, во всяком случае среди профессионалов, мнение о том, что уголовное право сложилось на протяжении столетий в чрезвычайно инерционную систему. Действующий уголовный закон основывается на мало изменившихся и, тем не менее, неопределенных понятиях состава преступления, оснований уголовной ответственности, вины, на сохраняющемся понимании наказания и пр. Эти нормы обеспечивают некоторое уважение населения к уголовному закону. Они должны сохраняться в процессе обновления.

Суждения второй группы. Будучи спорными, эти суждения относятся к большинству проблем уголовного права. Это проблемы соблюдения закона, его обратной силы, действия в пространстве и развития международного уголовного права, наказания, освобождения от наказания, его замены иными мерами, а также более специальные проблемы, в частности понятие и содержание причинной связи, вины, природа соучастия и видов соучастников и пр. В процесс обновления они естественно и закономерно входят во время дополнительного обсуждения.

Суждения третьей группы. Они определяют состояние проблем, нерешенность которых по существу не признается. Такие суждения отражают социальные колебания при оценке уголовного права и его использовании как инструмента социального регулирования. Назовем некоторые.

Прежде всего, отсутствие реалистического понимания задач уголовного права. Мифологическое описание предмета уголовного права, его функций и возможностей, а в сущности, и принципов уголовного закона. Далее, непроработанность соотношения источников уголовного права и пределов усмотрения суда, что порождает непрофессиональное, но реальное использование правовых precedентов.

Последнее значимо здесь, но не в реальности, которая может породить отказ от предметного, инструментального понимания материальной, предметной, социальной оценки преступления.

Понятие общественной опасности (или социальной вредности) в УК РФ не раскрывается. Практиками оно либо игнорируется, либо толкуется произвольно и реальным критерием криминализации и затем уголовной

ответственности быть не может. Распределение преступлений по категориям нигде должным образом не обосновано.

Это особенно типичная ситуация, когда устанавливается повышенная уголовная ответственность за деяния, которые юристы не могут должным образом ни описать, ни оценить.

Б. Некоторые виды актуальных для сложившейся ситуации ответов на вызовы к уголовному праву. Обновление или иное изменение уголовного законодательства должно осуществляться системно. Однако и системный подход требует выделения ключевых направлений обновления уголовного законодательства, поскольку каждое из них, в свою очередь, требует особого подхода. Обратимся в порядке постановки вопроса лишь к некоторым направлениям, и именно потому, что они, доказав свою эффективность, нуждаются в последующем усилении.

Дальнейшее обеспечение экономии уголовной репрессии. В последнее время принят ряд законодательных мер, устраняющих это явление (чрезмерную уголовную репрессию), однако пока они кажутся недостаточными. Тяжесть и интенсивность воздействия наказания на свободу и имущество граждан нередко расходятся с современными, хотя во многом и традиционными, представлениями о справедливости и эффективности (полезности) мер уголовно-правового характера.

Необходима разработка и достижение соответствующего потребностям страны своеобразного социально-правового договора о некоторых количественно выраженных границах применения различных видов уголовного наказания, связанных и не связанных с лишением свободы. Это не стандартное, но и не новое предложение обсуждалось в средствах массовой информации. Его реализация основывается на учете общественной опасности преступлений, на очевидных различиях между посягательствами на жизнь и здоровье и экономическими, экологическими и иными преступлениями.

При этом, вероятно, нужно исходить из невозможности принципиального изменения природы уголовного права, но опираться на хорошо известную доктрине уголовного права начало экономии репрессии. Законодательно, конечно, нельзя установить, что количество лиц, приговоренных к реальному лишению свободы, не должно превышать, например, 200–300 тысяч. Но, учитывая относительную стабильность преступности, вполне возможно так смоделировать назначение наказания судами, чтобы придерживаться этих границ.

Способы обновления уголовного законодательства при этом, как показали исследования упоминавшихся авторов и их коллег, могут быть различными. Вероятно, ими, например, могут быть сужение пределов ответственности за счет более широкого использования признаков, отражающих общественную опасность основных составов преступления, описанных в уголовном законе, совершенствования механизмов воздействия на наказание некоторых квалифицирующих признаков, в частности размера деяния и причиненного вреда, множественности, в особенности рецидива, организо-

ванной группы и пр. Этот способ широко применяется в последнее время и, как можно полагать, доказал свою эффективность.

Разумеется, оставаясь в рамках законности, можно воздействовать на судебную практику, не затрагивая независимости судей, с тем чтобы инициировать избрание наказаний, не связанных с лишением свободы. Для этого, надо признать, сейчас налицо более широкие возможности.

Серьезным и эффективным ответом является *оптимизация содержания и объектов уголовно-правовых запретов*. Следует прореагировать на то, что многие явления, сильно нарушающие интересы индивидов, общества и государства, остаются без реакции. Это требует особого обсуждения, но халатность при использовании источников повышенной опасности превышает всякие мыслимые границы.

Модернизация поэтому также должна состоять в *адаптации круга охраняемых уголовным законом правовых благ к новым, быстро меняющимся социально-экономическим условиям*. Выдвигаются различные предложения о декриминализации ряда поведенческих актов, прежде всего в экономической сфере. Однако более эффективный ответ требует не ограничиваться декриминализацией и криминализацией, т.е. заменой одних запретов на другие, но поставить более амбициозную задачу адаптационно-инструментальной оптимизации целого ряда запретов, в том числе традиционных.

В частности, нуждается в оптимизации даже уголовно-правовой запрет кражи. В нем следовало бы выделить семейные кражи, совершаемые несовершеннолетними, кражи, совершаемые под влиянием сложившихся неблагоприятных условий, и некоторые другие. Разумеется, все предложения такого рода нужно тщательно обсуждать, но простой здравый смысл показывает, что содержание уголовно-правовых запретов не может совершенствоваться линейно, путем расширения границ ответственности при сохранении признаков основного состава преступления.

Ответом на вызовы следует считать также *меры обеспечения определенности уголовного закона и предсказуемости правоприменительной квалификации деяний*. Практика применения уголовного закона в настоящее время не является единообразной. Значительное количество уголовно-правовых ошибок допускается на досудебных стадиях. Показателем такого состояния правоприменения является слишком значительный разрыв между количеством возбужденных уголовных дел и дел, направленных в суд. Такая ситуация сейчас подвергается суровой критике, причем со стороны власти. При этом такое реагирование должно распространяться на уголовный закон в целом. Статья 126 УК РФ «Похищение человека» как будто бы нейтральна к экономике. Но многим памятно ее неудачное применение, принесшее убытки и бюджету РФ. А оно во многом было связано с неопределенностью запрета, в котором понятие похищения не конкретизировалось ни одним признаком.

Обновление уголовного закона должно позволить давать правильную уголовно-правовую оценку деяния уже на досудебной стадии. Эта задача поставлена, но пока еще не решена, несмотря на свою неотложность. Требуется совместные усилия законодателя и науки.

В особенности это относится к *необходимости разграничения уголовно-правовой, административно-правовой и гражданско-правовой ответственности*. Необходимо вводить в статьи Особенной части УК РФ, особенно применительно к так называемым новым преступлениям, признаки общественной опасности того или иного деяния. Например, ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр» содержит всего один признак, указывающий на общественную опасность деяния, — значительный ущерб. Естественно, здесь трудно обеспечить предсказуемость квалификации деяния, поскольку отнесение его к преступлениям, а не к административным проступкам основывается на одном и к тому же оценочном признаке.

Это направление обновления уголовного закона решает и задачу воспрепятствования злоупотреблениям уголовным законом из коррупционных или иных соображений, противоречащих интересам службы, отдельных граждан и страны в целом, в частности как это понимается в ст. 285 УК РФ.

Сказанное подтверждает, что модернизация уголовного законодательства не есть лишь проявление доброй воли: захотели — сделали. Нужны интеллектуальные усилия специалистов высокой квалификации, но и их мало. Нужно то, что еще в XIX веке проф. Иеринг назвал борьбой за право. Обратимся к этой проблематике.

4. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БОРЬБЫ ЗА УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Общая характеристика проблемы. Борьба за уголовное, как и любое другое, право в современном российском обществе должна иметь позитивную направленность, осуществляясь в рамках действующей политической системы, и в таком плане актуальна для всех институтов и центров влияния, которые так или иначе заинтересованы в определенном, желательно оптимальном состоянии уголовно-правового права и в идеале — в его легитимности, справедливости и эффективности. Борьба за право вытекает из природы этого механизма социального регулирования и порождается различием интересов и позиций относительно действия уголовного закона, являясь в содержательном плане одновременно и традиционной, и новой.

Содержательная традиционность проблемы состоит в том, что уголовное законодательство с различных позиций и различными течениями общественной мысли рассматривалось как специфический институт господства, орудие подавления эксплуатируемого народа. Идея достижения общего блага, компромисса между эксплуататорами и эксплуатируемыми оценивалась как оппортунистическая и отвергалась.

Содержательная новизна проблемы, хотя и относительная, состоит в том, что разрешение в сфере действия уголовного закона противоречий, принявших иной характер, направлено на поиск оптимума его действия. Новизна при этом определяется тем, что в современных условиях между

различными социальными группами развернулся процесс специфического характера политической борьбы за определенное состояние и использование уголовного права, и он не анализировался системно в российской юридической литературе последних лет. Одно из проявлений такой специфики состоит, например, в том, что отнюдь не всегда именно власть настаивает на усилении жесткости уголовного закона: нередко этого требуют оппоненты власти. Но, так или иначе, борьба за право изучается уголовной политологией как борьба позиций, как система усилий по их разработке, разъяснению, адаптации в контекст действующей Конституции и практики ее реализации.

Процессы модернизации либо рутинного обновления как собственно уголовного законодательства, так и практики его применения, разумеется, имеют весьма размытую политическую составляющую, пересекающуюся с правовой. Эти процессы наталкиваются на обусловленные самыми различными факторами противоречия экономических, управленческих и иных интересов, на различия идеологических установок, на профессиональные разногласия при выборе правотворческих и правоприменительных решений, равно как и на различные возможности получения социальной поддержки. Борьба между этими группами имеет политическое содержание, поскольку она направлена на получение господства и, значит, власти при принятии определенного уголовно-правового решения, относящегося к общим интересам. Но это не борьба за власть в целом, и она вполне возможна не на партийной, а на профессиональной основе.

Порожденные борьбой за уголовное право позиции и взгляды получают в юридической и политологической литературе различные наименования, не всегда верные (либерализм, государственничество, консерватизм, произвол, усиление борьбы, кризис и пр.), и должны осознаваться при разработке и обосновании путей развития и реализации уголовного права и закона. Можно предположить при этом, что возможно или реально корыстные интересы определенных социальных групп, стремление к своеобразной приватизации уголовного права порождают ложную неудовлетворенность его состоянием, в особенности такие в ряде ситуаций деформированные оценки практики, как основанная на произволе, коррупционная, непредсказуемая, несправедливая и пр. И тогда возрастает актуальность преодоления ошибочных позиций в интересах достижения оптимального состояния статичности и динамики уголовного закона.

Политическая составляющая борьбы применительно к уголовному праву.

Понятие политического, как уже отмечалось выше, многократно рассматривалось в политологии и работах по уголовной политике. Оно является не вполне определенным и, напомним, применяется в самых различных значениях к множеству сфер социальной деятельности.

Понятие борьбы также употребляется весьма часто, но и оно является не вполне определенным и спорным, имея специфический набор смыслов, характеризующих обычно процессы воздействия на преступность, но крайне редко охватывающих противоречия стратегий и тактик внутри этого противодействия.

В данном случае под имеющей политическую составляющую борьбой за обладание уголовным правом понимаются осуществляемые отдельными субъектами процессы разработки и последующей защиты таких различных позиций по вопросам содержания, развития и реализации уголовного права, которые направлены на расширение собственного влияния на эти процессы.

Борьба есть противопоставление идей, позиций, проектов, оценок, определенный тип социальных конфликтов, который может решаться мирными и насильственными, экономическими, юридическими и иными средствами¹.

Установление определенного типа или состояния аллокации ценностей или ресурсов действительно происходит в сфере действия уголовного закона и представляет собой цель и возможный результат политической борьбы, конкретизируемый в состоянии уголовного закона, его реализации и понимания.

Наиболее известными примерами политической борьбы за уголовное право являются вначале определение границ публичного и частного права, а на этой основе — сложные споры о задачах уголовного права, о понимании его субсидиарности, о соотношении норм уголовного и гражданского права, уголовно-правовой и договорной ответственности и пр. Понятно, что такого рода споры так или иначе определяют решение фундаментальных проблем политической системы. В центре внимания общества находятся такие проблемы, как борьба за или против смертной казни, запрещение спекуляции или разрешение свободной торговли, уголовно-правовая характеристика экстремизма, организованной преступности. Одним из наиболее ярких примеров борьбы за уголовное право является процесс юридического анализа причин и виновников финансового кризиса.

Разумеется, противостояние различных уголовно-правовых позиций происходит в обществе на разном уровне, в различной форме, и не всегда очевидна их политическая составляющая. Но все же, как правило, она может быть идентифицирована как нечто отличное от психологического, служебного или иного конфликта, к политике отношения не имеющего. Критерием здесь является связь позиции субъекта с принятием уголовно-правовых решений, затрагивающих общие публичные интересы.

При таком подходе понятие и процессы политической борьбы применительно к уголовному праву рассматриваются как часть механизма его действия, а тем самым как условие и контекст получения определенных результатов. Если проанализировать силы и действия, поддерживающие то или иное направление уголовной политики или отвергающие его, то процессы социального управления станут более эффективными.

¹ Для понимания природы политической борьбы полезным является развитый американским политологом Давидом Эстоном подход к определению политики как авторитарной аллокации ценностей, т.е. как упорядочения, распределения и связи элементов, структур и subsystems внутри общей системы, которые должны гарантировать функциональные цели целого и его частей. См.: Словарь политической науки. Мюнхен: Бек (на нем. яз.). Т. 1. С. 15.

Ценность уголовного права как цель политической борьбы. Уголовное право в целом как отрасль права, практика, уголовно-правовая мысль традиционно выступает как общенациональная ценность, создаваемая и контролируемая преимущественно публичной властью. Уголовно-правовые нормы содержатся в законах, принимаемых законодательной властью отдельных стран, и реализуются приговорами, постановляемыми от имени государства. В этом проявляется сущностная черта уголовного права как части или состояния государственного суверенитета.

Вместе с тем уголовное право может фактически принадлежать или контролироваться отдельными социальными группами, в том числе и классами, что никогда не подвергалось сомнению в марксистской теории и практике, но, как можно полагать, является или должно являться общим местом самых различных направлений теории государства и права.

Такое утверждение отражает реальность и может быть описано эмпирически. Оно, в частности, выражается в наличии у отдельных институтов исключительной или преимущественной возможности формировать уголовное право и механизм его действия, а также в возможности использования уголовного права для достижения определенных целей в интересах данной группы. Здесь есть некоторые противоречия. Такое положение в значительной своей части легитимно, но его конкретное выражение все же является объектом политической борьбы. Например, независимость суда и, более конкретно, его компетенция на принятие решений, являющихся источником уголовного права.

В определенном социальном контексте возможен своеобразный «захват» уголовного права, который фактически означает его приватизацию в интересах той или иной профессиональной прослойки, группы экономических субъектов, например, ориентированных на экспорт или, напротив, на внутренний рынок.

Обладание уголовным правом в определенных ситуациях дает большую эффективность и оказывается крайне значимым для этих групп.

Уголовное право как объект политической борьбы может быть описано с нескольких сторон. Оно представляет собой:

а) расходуемый управленческий (в широком значении понятия «управление») ресурс;

б) качество или состояние политической власти данной группы, а значит, и ее представителей;

в) средство завоевания власти, чаще всего популистскими приемами.

Такая характеристика ценности уголовного права нейтральна к представлениям об идеальном политическом устройстве. Собственно содержание ценности уголовного права различно в авторитарном и в демократическом обществах, как различно оно для субъектов борьбы за обладание его возможностями. Но обращение к категории ценности необходимо и возможно повсюду там, где уголовное право может быть использовано в интересах субъектов, им обладающих и контролирующих его реализацию. Для

обоснования изложенного подхода к пониманию ценности уголовного права как объекта политической борьбы в данном случае достаточно привести лишь несколько соображений.

Прежде всего, ценность уголовного права определяется его сущностными чертами и реальным состоянием.

Обычно уголовное право характеризуется как совокупность норм, объявляющих преступлениями общественно опасные деяния и устанавливающих правовые последствия нарушения установленных запретов. Это полезное определение, но имеющее сугубо формальный характер. Между тем сущность уголовного права, его предназначение состоит в обеспечении применения легального насилия, направленность и объем которого определяется субъектами, им обладающими. Легальное насилие, его угроза, риски применения образуют основу регулятивно-охранительного ресурса уголовного права. Все остальные свойства определяются необходимостью и возможностью применения этого ресурса. И именно этот ресурс нужен всем.

При этом социальная ценность уголовного права как его ресурс меняется во времени, характеризуется набором эмпирически выраженных или выражаемых показателей и колеблется от некоторого идеального максимума до нуля.

Далее, уголовное право своим состоянием отражает определенную зрелость развития публичной власти и общества. Уголовное право легитимизирует публичную власть, наделяет ее возможным авторитетом, предоставляет в распоряжение власти определенный набор аргументов, позволяющих обосновать свои действия, то, что называется уголовной политикой. Это не столь очевидно. В некоторых социальных ситуациях даже государства, имеющие, казалось бы, хорошие позиции, прибегают к нелегитимному насилию, что всегда приводит к репутационным издержкам.

Наконец, ценность уголовного права несколько парадоксально состоит в возможности укреплять власть или завоевывать ее, представляя себя защитником тех или иных интересов.

Это общая характеристика социальной ценности уголовного права. Но реально она всегда конкретна и зависит от социальных потребностей, возможностей, целей, политики обладателей уголовно-правового ресурса, а также, разумеется, от подготовленности целостного механизма действия уголовного права к его инструментальному использованию.

Отдельные цели политической борьбы за уголовное право. Они отражают собой, обычно неполно, социальную ценность уголовного права, выявляются при обращении к практике его реализации и могут быть классифицированы применительно к управленческому ресурсу, укреплению политической власти, ее легитимации. Здесь нужно сделать несколько предварительных замечаний, которые, можно полагать, имеют практический смысл.

Прежде всего, цели борьбы за уголовное право в принципе отличаются от целей и задач уголовного права. Цели политической борьбы субъектны и вариативны. Они в самом общем виде направлены либо на присвоение воз-

можностей уголовного права, либо на обоснование оптимальных способов выполнения его задач.

Цели политической борьбы формулируются, если это вообще происходит, крайне абстрактно и обычно маскируются клишированными аргументами. В основе такой аргументации чаще всего лежат ссылки на интересы общества, необходимость укрепления правопорядка и способность данного субъекта лучше других использовать возможности уголовного права либо, как вариант, ссылка на оптимальность предложений данного субъекта. Анализ целей предполагает поэтому выявление действительно значимых их составляющих.

Далее, цели борьбы за уголовное право обычно противоречивы и, что примечательно, трансформируются в процессе их реализации. Соответственно анализ политической борьбы за уголовное право начинается с уяснения действительности ее целей. При этом крайне важно иметь в виду, что цели получения благ уголовного права могут оторваться от потребностей и заместиться ритуалами. Тогда рухнет власть.

Классификация возможных целей. Здесь можно выделить несколько групп.

Цели обеспечения и присвоения ресурса, т.е. возможностей уголовного права. В гипотетическом плане можно выделить цели:

а) применения легального принуждения и тем самым насильственного изменения характера социальных отношений путем запрета отдельных видов или способов поведения;

б) получения возможностей легитимного поведения путем отказа от уголовно-правовых запретов либо нейтрализации уголовно-правовых запретов;

в) сосредоточения властных возможностей определенными институтами либо представителями этих институтов;

г) возмездной реализации полученной компетенции.

Цели укрепления политической власти состоят в:

а) укреплении ее авторитета;

б) повышении исполнительной дисциплины;

в) упрощении управления и пр.

Цели легитимации власти состоят в:

а) обосновании запретов;

б) обеспечении их поддержки;

в) подавлении политических оппонентов путем маргинализации поведения и пр.

Приведенные формулировки целей политической борьбы подлежат дальнейшему изучению. Здесь можно привести несколько примеров их конкретизации.

Содержанием целей может быть перераспределение компетенции, когда идет борьба между надзором и следствием либо происходит перемещение преступлений из одной категории в другую, а соответственно, получение или потеря дополнительной власти, возможно лишь психологической. Им может быть расширение ресурса обмена; перемещение в иерархической

структуре; оптимизация профессии и отдельных обязанностей; усиление устойчивости института или безопасности его представителей; оптимизация финансирования на всех уровнях и пр.

Примеры. Первый: в ряде стран ведется борьба вокруг возможности исключать преступность причинения смерти женщинам, нарушившим сложившиеся поведенческие обычаи, либо резко снижать ответственность за это. Второй: журнал «Деньги» в материале под заголовком «Фактически Медведев разрешил воровать и за это ничего не будет» описал неудовольствие так называемых силовиков, с которыми беседовал корреспондент журнала, внесением поправок в УПК РФ, касающихся мер пресечения¹. Эта позиция не была осмысленной. Но, хотя бы временно, нашла защитников.

Проблема оценки целей борьбы за уголовное право. Уголовно-правовая мысль, оценивая действительные цели политической борьбы, обязана постоянно осмысливать, на что распространяется потребность в насилии, почему она возникает и является реальной? Это наиболее глубокие проблемы уголовного права, и они не решены удовлетворительным образом нигде и никем. Но совершенно очевидно, что именно истинное или ложное осознание потребностей в легитимном насилии является исходным пунктом политической борьбы за уголовное право. Именно оно и должно определять стратегию и тактику политической борьбы за уголовное право.

Методика анализа стратегии и тактики политической борьбы. По ряду причин наличие такой борьбы не замечается уголовно-правовой мыслью, а следовательно, и не изучается. Предполагается, что существует единая, в своей основе правильная, политика, а все остальное — либо отклоняющиеся, неверные позиции, либо даже просто криминогенные явления общественного сознания. Как уже отмечалось, это иллюзия на теоретическом уровне и ошибочное поведение на практике. Кроме того, политический характер противостояния нередко скрыт, и на поверхности ведется борьба как будто бы за оптимизацию достижения одной и той же цели.

Методика анализа политической борьбы является частью или направлением адаптированной к соответствующим задачам методики выявления и разрешения социальных конфликтов. Ее специфика выявляется в практической сфере путем фиксации и оценки существующих в обществе разногласий, препятствий к решению проблем уголовного права, блокирования принимаемых решений и пр.

До перехода на методический уровень стоит попытаться описать реальное состояние политической борьбы вокруг такого острого вопроса, как применение смертной казни. Как известно, она реально существует отнюдь не только в России, но и в тех странах, где эта проблема кажется решенной. Можно обратить внимание на время, в течение которого продолжается конфликт, его территориальный размах, количество участников, индивидов и институтов, четкое определение позиций, использование огромного объ-

¹ См.: Деньги. 2010. № 15. С. 40.

ема самых различных аргументов, эмоциональную напряженность и интенсивность отстаивания своих позиций, развитость лоббизма, обеспечившего блокирование международных обязательств России. Все это ярко описывается в многочисленных публикациях, но для специалиста важен результат. Противники отмены смертной казни смогли, возможно, временно, но заблокировать отмену смертной казни.

Еще один пример. Борьба вокруг решения об отмене конфискации как вида наказания. Течение этого конфликта было менее эмоциональным, в нем наиболее активно участвовали специалисты в области уголовного права. В ходе конфликта противники отмены конфискации неоднократно выступали в СМИ, обращались в различные властные структуры, вплоть до высших, использовали различные аргументы, исключая ссылки на статистику или конкретно-социологические исследования¹. В итоге конфискация имущества была возвращена в УК РФ, хотя и как иная мера уголовно-правового характера.

Таким образом, политическая борьба против решений государственной власти далеко не всегда бывает безуспешной, ее внешняя сторона выявляется относительно легко. Труднее складывается положение с выявлением субъективной стороны этих процессов. Сложно определить цели борьбы за смертную казнь и конфискацию. Для этого необходимы более глубокие исследования.

Содержание процессов политической борьбы. В его структуре можно выделить:

а) объективные и субъективные, внутренние и внешние факторы, соотносимые с основаниями и поводами возникновения политической борьбы, ее целями и применяемыми средствами;

б) позиции, которые являются предметом борьбы;

в) субъекты политической борьбы;

г) применяемые средства, технологии, их тенденции и эффективность;

д) состояние получаемой в обществе поддержки и другие элементы.

При этом политическая борьба должна осуществляться легальными средствами, профессионально, на основе специальных политических технологий и без этого. Можно надеяться, что такой подход будет полезен для дальнейшей адаптационной модернизации уголовного закона.

Уголовная политика²

Уголовная политика — часть социальной политики, которая связана с использованием возможностей и средств уголовного права для защиты прав

¹ См. об этом среди многих публикаций под рубрикой «Полемика»: Михайлов В. Конфискация и качество аргументов «за» и «против» ее включения в уголовный закон // Финансы. Экономика. Безопасность. 2005. № 8. С. 31–41.

² Текст опубликован: Словарь по уголовному праву. М.: Бек, 1997. С. 595–600.

и законных интересов личности, общества и государства. Уголовная политика, при всех спорах по поводу этого понятия, существует объективно как определенная позиция государства относительно содержания уголовного законодательства, его соотношения с иными средствами и способами воздействия на поведение подданных или граждан, механизма реализации уголовно-правовых норм, объема и жесткости применяемых мер наказания, процедуры их применения.

Уголовная политика на сравнительно поздних этапах развития уголовного права и практики его реализации становится объектом профессиональной научной разработки. В XVIII в., как считают русские и зарубежные ученые, возникает сфера научного знания, по существу представляющая собой науку уголовной политики, хотя и не отвечающая в полной мере всем требованиям, предъявляемым к современной науке. Считается (М.П. Чубинский), что возникновение науки уголовной политики связано с именами Монтескье, Беккариа, Вольтера; позже существенный вклад в ее развитие внесли А. Фейербах, Лист, Принс, русские ученые Неклюдов, Духовской, Фойницкий, затем А.А. Пионтковский, М.Н. Гернет и др.

На современном этапе в России ведутся трудные поиски оптимальной модели уголовной политики, которая позволила бы в условиях социальной трансформации общества осуществлять контроль над преступностью на началах законности, рациональности, гуманизма и эффективности, равенства граждан перед законом, исходя из того, что привлекать к уголовной ответственности можно лишь за совершение деяния, содержащего все признаки преступления, предусмотренного уголовным законом.

Сферой уголовной политики одни специалисты считают все меры, прямо или косвенно направленные на борьбу с преступностью, тем самым предельно широко понимая уголовную политику. Другие стремятся проанализировать и соответственно рационализировать уголовную политику, ограничивая ее кругом тех специальных мер воздействия на преступность, преступление и преступника, а также защиты потерпевшего; восстановления социального мира, которые связаны с существованием уголовного и смежного с ним законодательства. Попытка преодоления этих разногласий привела к выделению отдельных элементов уголовной политики, различающихся главным образом по сферам ее действия, а именно: криминологической политики, уголовно-правовой, исправительно-правовой и др. Вопрос о сферах уголовной политики продолжает оставаться открытым. Однако реальные потребности общества, состояние современной практики борьбы с преступностью приводят к сосредоточению внимания специалистов на разработке специальной политики реформирования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, на рационализации деятельности системы правоохранительных и судебных органов, реализующих это законодательство, на достижении общественного согласия и повышении социальной активности в сфере борьбы с совершением преступлений. Этим определяется сфера уголовной политики в ее специ-

альном выражении. Наряду с этим в меру существующих возможностей совершенствуются социальные условия осуществления уголовной политики, обновляются методы и содержание предупреждения преступлений.

Общая цель уголовной политики состоит в обеспечении максимально возможного контроля общества и государства за преступностью. Он проявляется в своевременном реагировании управомоченных органов на факты совершения преступлений; в обеспечении необходимой защиты гражданам, интересы которых затронуты преступлением или находятся под угрозой преступного посягательства; в восстановлении социального мира и справедливости путем возмещения причиненного вреда там, где это возможно, и обеспечения авторитета закона; в законном и справедливом наказании лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

Для достижения этой цели уголовная политика в сфере своего действия обеспечивает осознание государством, обществом, социальными группами возможностей борьбы с преступностью, формирование стратегии такой борьбы и достижение возможного согласия общества относительно выбора стратегии и тактики борьбы с преступностью. Задачей уголовной политики является решение проблем ресурсного и кадрового обеспечения практики реализации уголовного и смежного с ним законодательства, постоянного совершенствования правотворческой и правореализационной деятельности. Уголовная политика одновременно обеспечивает необходимый социальный контроль за состоянием уголовного и смежного с ним законодательства, деятельностью правоприменительных органов.

Различные подходы к уголовной политике проявляются прежде всего в практике реализации уголовного законодательства и отражаются в содержании уголовно-политических учений, концепций, взглядов, в существовании различных научных школ, течений, движений. Различные подходы к уголовной политике эмпирически фиксируются показателями судимостей, характером применяемых мер наказания и заменяющих их мер, а также проявляются в процедурах расследования и рассмотрения уголовных дел, в распространенности отступлений правоприменительных органов от действующего законодательства.

Основываясь на этих показателях и господствующих социальных оценках, принято говорить о степени законности и демократичности уголовной политики, ее справедливости и гуманизме, эффективности и рациональности. Реальные подходы к уголовной политике и провозглашаемые, а иногда и навязываемые обществу оценки ее состояния часто не совпадают.

Нередко различия уголовной политики определяются историческими условиями развития той или иной страны, принятыми в данном обществе этическими и моральными ценностями. Это порождает развитие сравнительно-правовых и сравнительно-исторических методов изучения специфики уголовной политики в различных обществах и государствах. Разумеется, специфика уголовной политики не должна препятствовать защите общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Примерами отразившихся в правовой науке различий в подходах к уголовной политике являются споры о соотношении общей и специальной уголовно-правовой превенции, представленные изначально А. Фейербахом и Ф. Листом, затем споры о значении индивидуальной вины преступника и его опасного состояния, что было соединено с дискуссией о соотношении уголовного наказания и мер социальной защиты. В настоящее время специалисты многих стран в области уголовной политики пишут о кризисе уголовной юстиции. Популярной становится переориентация уголовной политики с деятели на деяние, что выразилось в отказе российского законодателя от понятия «особо опасный рецидивист» с заменой его понятием «особо опасный рецидив». Большое внимание привлекает адаптация уголовной политики к интересам потерпевшего и обеспечению возмещения причиненного вреда. Много усилий посвящено поиску мер воздействия на преступника, не связанных с лишением свободы и способных достаточно эффективно обеспечить его ресоциализацию.

Сложные процессы трансформации общества, приведшие к росту преступности и усилению ее насильственной составляющей, осложняют изменения в уголовной политике России. В сознании общества остаются предпочтительными жестокость и неотвратимость наказания. По мере достижения благоприятных перемен в экономическом и социальном развитии будут нагляднее проявляться новые подходы к уголовной политике.

Субъектами уголовной политики являются отдельные социальные группы, имеющие собственные интересы, общество в целом, представляющее сложно достигаемое и непостоянное согласие различных социальных групп относительно оптимальной уголовной политики, государственные органы, государство в целом. Субъекты уголовной политики вырабатывают собственные представления о ее элементах и характеристиках, стремятся реализовать их через законодательство, подзаконные нормативно-правовые акты, политические решения, внедрить в практику деятельности правоприменительных органов.

Выработка и реализация уголовной политики невозможны без достижения на основе Конституции РФ компромисса между интересами различных социальных групп и государственных структур.

Основным источником реальной уголовной политики является законодательство. На его основе могут приниматься различного рода политические решения, программы, планы, концепции. Но они должны соответствовать законодательству либо предполагать его совершенствование в рамках конституционной процедуры.

Легитимность уголовной политики распространяется на средства уголовной политики. Ими являются прежде всего признание деяний преступными, установление видов наказания и иных мер уголовно-правового характера за их совершение, точная квалификация преступлений, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и уголовного наказания, а также процессуальный порядок расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Наряду с этим, средствами уголовной политики являются объективное информирование населения о преступности, ее тенденциях, об уголовно-политических мерах и их эффективности, повышение социальной активности общества в области борьбы с преступностью, усиление социального контроля за реализацией уголовного закона. Проведение уголовной политики и ее совершенствование предполагают также использование кадровых, ресурсных, информационных и организационно-ресурсных средств.

Осуществление уголовной политики включает:

а) выявление и осознание потребности в контроле над преступностью, что выражается в формировании перечня актуальных уголовно-политических задач; выявление и оценку возможностей общества в данной сфере и его готовности к осуществлению определенной стратегии; определение методов уголовно-правового контроля над преступностью, что связано с осознанием возможных результатов и нежелательных последствий их применения;

б) осуществление правотворческого процесса, что предполагает не только проведение реформы уголовного и смежного с ним законодательства, но и постоянное их совершенствование;

в) реформирование и последующее совершенствование правоохранительной и судебной системы, включая развитие инфраструктуры деятельности этой системы, подготовку кадров;

г) постоянное совершенствование практики реализации права;

д) обеспечение социального контроля за уголовной политикой.

В целом осуществление уголовной политики представляет движение от уголовного законодательства к уголовно-правовому реагированию на преступление и на этой основе — к исполнению наказания либо заменяющих его мер. Это движение должно быть прозрачным для общества и подконтрольным ему.

Результаты уголовной политики могут быть явными и неявными; бесспорными (что случается редко) и предполагаемыми. По содержанию можно выделить: повышение эффективности, профессионализма и законности в деятельности системы, реализующей уголовную политику; рост доверия со стороны граждан, политических сил, управленческих и хозяйственных структур и реальной готовности их участвовать в реализации уголовной политики; совершенствование системы социального контроля за уголовной политикой и др. Особенно значимы такие результаты, как снижение преступности либо уменьшение ее общественной опасности, но их достижение сложнее всего устанавливать.

Возможны негативные результаты или следствия уголовной политики: повышенная криминализация населения, слишком высокая доля лиц, прошедших через учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, отвлечение ресурсов, потеря уважения к правоохранительной системе. Частично эти последствия являются неизбежными (своеобразная плата за контроль над преступностью). Однако уголовная политика должна контролироваться и корректироваться для минимизации ее негативных последствий.

Уголовная политика и задачи уголовного права¹

1. СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Проблемная ситуация здесь состоит в том, чтобы регламентированная в ст. 2 УК РФ юридическая конструкция задач уголовного права в современных условиях была правильно понята обществом и властью, должным образом доктринально разработана и могла оптимизировать уголовную политику, правотворческую и правоприменительную практику, опираясь при этом на поддержку общества.

Лишь таким образом уголовное право как специфическая система норм действительно может решать задачи:

- а) специфические, ей свойственные, не внедряясь в компетенцию иных отраслей права;
- б) достаточно конкретные, поддающиеся проверке и обладающие управленческим потенциалом;
- в) только необходимые, являющиеся «последним аргументом» законодателя.

Это означает, что уголовная политика, как бы ни определять ее содержание, как бы ни оценивать влияющие на нее факторы, должна, во всяком случае, опираться на понимание задач уголовного права, адекватное наполнение их юридическим и социальным содержанием. В то же время задачи уголовного права в определенной своей части — но никогда не полностью — адаптируются к проводимой в обществе уголовной политике².

Господствующее мнение российских юристов относительно задач уголовного права является в своей основе позитивистским, но при этом декларативным. Оно обычно излагается вне связи с уголовной политикой и опирается на нормы действующего уголовного закона и — реже — на анализ конституционных предписаний и кратко может быть выражено несколькими положениями.

Первое. Обычно считается, что задачи уголовного права и задачи Уголовного кодекса РФ имеют одно и то же содержание. Это одни и те же задачи. Так, Н.Ф. Кузнецова главу Курса уголовного права именует: «Понятие,

¹ Текст опубликован: Право и политика. 2006. № 6. С. 4–12.

² Об уголовной политике см., например: *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР, 1999; *Дзигарь А.Л.* Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005; *Тер-Акопов А.А.* Уголовная политика Российской Федерации. М.: МНЭЛУ, 1999, а также работы С.В. Бородина, П.С. Дагеля, А.И. Коробеева, В.Н. Кудрявцева, Э.Ф. Побегайло и др.

предмет, метод, система, задачи уголовного права», а § 3 этой главы — «Задачи уголовного законодательства»¹.

Второе. Содержательно или функционально выделяются две — охранительная и предупредительная — задачи, которые состоят в охране определенных объектов и предупреждении преступлений. Реже к этим задачам и функциям добавляется задача обеспечения мира и безопасности человечества, *воспроизводимая текстуально*, а также указание на функции — регулятивную и воспитательную².

Третье. Круг задач конкретизируется перечнем указанных в законе объектов, значимость которых определяется, по мнению большинства специалистов, их местом в перечне охраняемых объектов, содержащемся в ч. 1 ст. 2 УК РФ, и средствами их решения. Большое значение придается тому, что на первом месте в действующем УК РФ, в отличие от прежних, указана охрана прав и свобод человека и гражданина. Это перемещение рассматривается как изменение задач УК РФ, что, разумеется, весьма сомнительно, ибо никаких правовых последствий не влечет.

Спорные мнения, касающиеся задач уголовного права, обычно относятся к содержанию, дефиниции и соотношению реализуемых ими функций (охранительной, регулятивной и предупредительной). С практических позиций, чаще всего неявно, споры касаются наиболее болезненного вопроса, а именно определенных задачами уголовного закона пределов уголовно-правового воздействия, т.е. круга уголовно-правовых запретов и жесткости репрессии. Представители жесткого направления считают, что задачи уголовного права должны ситуативно расширяться при возникновении тех или иных трудностей, а репрессия — усиливаться. Представители рационального направления тяготеют к взвешенному определению уголовно-правовых задач на основе анализа их содержания, определенного законодателем.

Подобная полемика ведется во многих странах. Показательным примером можно считать демарш группы видных польских криминалистов — Марека Боярского, Томаша Гжегорчика, Збигнева Хольды, Петра Хофманского, Лешка Кубицкого, Леха К. Папржицкого, Анджея Марека, Софьи Швиды, Влодзимежа Врубля, Станислава Заблоцкого, вышедших из состава Кодификационной комиссии по уголовному праву при Министерстве юстиции Республики Польша, мотивируя это тем, что проекты изменений в уголовном праве приводят «в значительной мере к механическому усилению кары даже за незначительные преступления, а уголовная политика ориентируется на лишение свободы, что противоречит современному пониманию

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т.1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999.

² См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. проф. Л.Д. Гаухмана и проф. С.В. Максимова. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 15–16; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. 3-е изд. М.: Юрид. лит.-ра, 2004. С. 23 и след.

эффективной уголовной политики и не учитывает драматической ситуации в польских учреждениях исполнения наказания»¹.

2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Действующий закон раскрывает основное, «проникающее» значение этого понятия, которое указывает на принципиальные возможности и ограничения уголовного права, определяемые его природой, и влияет — по замыслу законодателя — на правоприменительную практику.

В ч. 1 ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» законодатель использует традиционную, правда, весьма декларативную юридическую конструкцию, которая действительно формулирует внешнюю направленность уголовного права как системы велений на выделенные группы реально существующих социальных ценностей, характеризует его воздействие как позитивное, устанавливает два направления этого воздействия — охрану и предупреждение. Таким образом, по существу, здесь законодателем юридизирована социальная характеристика задач уголовного права, поскольку они связываются с существованием конституционно закрепленных социальных ценностей и отграничиваются от специфически регулятивного действия иных отраслей.

В ч. 2 этой же статьи законодатель ограничивает установленный им же круг задач уголовного права, определяя способы их осуществления, причем именно такие, которые соответствуют природе данной правовой отрасли. Здесь говорится, что для осуществления этих задач действующим Кодексом устанавливаются основание и принципы уголовной ответственности, определяются, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Нормы ч. 2 ст. 2 УК РФ традиционно соотносятся с методом действия уголовного права. Но способы действия, особенно если они жестко определены, всегда ограничивают более общие задачи, программируют их. Поэтому способы осуществления задач, названных в ч. 1 данной статьи, можно также рассматривать как специфические внутренние задачи уголовного права, реализующие его сущностные черты. Этим подчеркивается то обстоятельство, что нормы уголовного закона рассчитаны как внутренние — на законодателя и на правоприменителя, а как внешние — прежде всего на лиц, которым запрещено определенное поведение. Именно внешние задачи более изменчивы и в большей степени связаны с воздействием на социальную среду. При этом внутренние задачи в первую очередь и отражают специфику уголовного права.

¹ Oświadczenie członków Komisji Kodyfikacyjnej Prawa Karnego // Państwo i prawo. 2006. № 3. S. 105–106.

Вместе с тем действительный регулятивный потенциал ст. 2 УК РФ выглядит недостаточным как раз применительно к конкретизации задач уголовного права. Перечень объектов в ч. 1 ст. 2 УК РФ является слишком общим. Он даже не отражает многие группы запретов, содержащихся в Особенной части УК РФ. Сами охраняемые ценности на языке уголовного права не описаны, и уяснить их значение и содержание путем толкования, оставаясь в рамках закона, невозможно. Собственно пределы охраны здесь не определяются. Также не конкретизируется, что можно понимать под предупреждением преступлений. По существу, определение задач уголовного права осуществляется на практике без учета предписаний ч. 1 ст. 2 УК РФ, хотя, разумеется, в соответствии с ч. 2 этой статьи. Такое положение, подчеркнем еще раз, требует доктринальной разработки понятия «задачи уголовного права» для перевода его в норму прямого действия.

3. ПОНИМАНИЕ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В специальной литературе этот вопрос часто связывается с анализом профессионального правосознания. Он, однако, должен вначале исследоваться в доктрине уголовного права.

Понятийный оборот «задачи уголовного права», как показывает изучение практики, обычно рассматривается правоприменителями как определенная декларация, хотя и выраженная в законе. На самом деле это одна из острейших предпосылок практического понимания и реализации уголовного права, которая постоянно является предметом споров или невысказанных сомнений, но не может найти своего окончательного разрешения ни в одной правовой системе. Оптимальное представление о задачах не выработано и применительно к российскому уголовному праву. Многие суждения о них, к сожалению, являются либо неточными, либо бессодержательными.

Реально задачи уголовного права часто понимаются либо под влиянием ситуации, либо слишком широко. Они определяются в конкуренции с иными отраслями права, иными механизмами социального регулирования и выигрывают конкуренцию в зависимости от традиций и актуального состояния социальных процессов, политического положения. Этот подход проявляется также на уровне большой политики и, к сожалению, является общим для многих стран и не представляет собой какую-либо российскую особенность¹.

¹ Немецкий юрист Штефан Браум (Braun S.) считает, что политики прежде всего используют уголовное право, чтобы все же восстановить потерянное гражданами доверие к их способности решать социальные проблемы. Едва ли какие-либо общественно-политические дебаты происходят без обращения к уголовному праву. Если какая-либо проблема определяется как «преступность», создается впечатление ее быстрого решения. См. его статьи «К уголовной наказуемости “золотого рукопожатия” по § 266 УК ФРГ»; «“Злоупотребление доверием” — правовые соображения о случае Маннесмана» (на нем. яз.) (Kritischevierteljahresschrift. 2004. S. 67–68).

4. РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОДХОД К ЗАДАЧАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Он направлен на разрешение описанной выше проблемной ситуации, которая состоит в правильном понимании текста и смысла ст. 2 и иных соотносимых с ней статей УК РФ, а тем самым в использовании их регулятивного потенциала.

Задачи уголовного права — прежде всего многозначный понятийный оборот, который с разных сторон определяет реальное функционирование уголовного права как социального и целевого, как инструмента социального воздействия. На основе этого тезиса выделяются *три составляющих* его управленческого потенциала.

Первая. Задачи — это сущностная характеристика уголовного права, отражающая использование его природы, его устойчивой, консервативной составляющей и указывающая на его принципиальные инструментальные возможности. Так понимаемые задачи должны быть познаны.

Вторая. Задачи уголовного права — это требования и ожидания общества, выраженные в уголовной политике, содержании уголовного закона, сумме властных актов, общественном мнении. В этом их понимании они должны быть определены правильно.

Третья. Задачи уголовного права — это потенциальный эффект действия, сумма возможных, а в конечном счете и реальных результатов, т.е. изменений во внешней среде. В этом значении они должны быть проверяемы, измеряемы, оцениваемы. Эти три значения отражают движение от выявления объективного, консервативного в уголовном праве к уяснению его субъективной, поддающейся управлению составляющей.

Следовательно, выделение значений конструкции «задачи уголовного права» необходимо для последовательного, хотя и с потерями, обеспечения единства и предсказуемости действия этой правовой отрасли.

5. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Объективно задачи уголовного права определяются тем фактом, что оно предназначено потребностями общества и собственной природой для максимально негативной оценки деяний и тем самым легитимации публично-правового насилия. Далее, в границах объективных возможностей и общества, и уголовного права его задачи адаптируются к социальным процессам, а само уголовное право направляется обществом, властью на удовлетворение признанных или признаваемых потребностей, когда конкретно определяются сфера действия, методы, тяжесть репрессии, отграничение от частного права и пр. Наконец, на основе анализа реалий функционирования системы уголовной юстиции эти задачи превращаются в управленческие решения, поскольку они необходимы и возможны.

Таким образом, факторы формирования задач уголовного права чрезвычайно разнообразны. К ним можно, в частности, относить состояние социального мира, уровень агрессивности в обществе, характер противоречий между людьми, способы конкуренции, отношения власти и подвластных, уровень осознания долговременных интересов власти, общества, отдельных групп, состояние профессионализма юристов и т.п.

Кроме того, на каждом из этих этапов формирования задач уголовного права нужно понимать, что они решаются или решение имитируется, поглощая ресурсы и выдавая продукцию разного характера, но принципиально преимущественно в виде насилия. При этом, поскольку уголовное право имеет объектно-оценочный характер и его задачи определяются людьми, действующими в меняющихся условиях, не обладающими достаточной информацией, сама возможность их оптимального определения всегда находится под вопросом.

Понимание и формирование задач уголовного права поэтому — постоянная составляющая уголовного правотворчества и правоприменения. Это процесс пусть часто недостаточного, но все же активного обсуждения, дискурса, в котором участвуют как специалисты, так и иные адресаты уголовного закона. Результаты понимания задач уголовного права, особенно в условиях перемен, определяют состояние безопасности и социального мира, пределы охраны уголовным правом социальных благ в различных сферах социальной жизни, интенсивность репрессии, т.е. применения насилия, социальную атмосферу в стране.

При этом следует оговорить, что постоянно нерешенной остается проблема использования даже оптимальных результатов процесса познания, что ранее именовалось проблемой внедрения в практику. Разумеется, задачи уголовного права — это прежде всего объект интеллектуальных усилий, однако опыт показывает, что рутинное принятие индивидуальных уголовно-правовых решений на практике нередко определяется не пониманием задач уголовного права, а иными факторами. В этих многочисленных случаях необходимы иногда рискованная «борьба за право» и стремление к согласию в интересах страны.

Уголовная политика: актуальные задачи, субъекты и механизмы реализации¹

Введение в проблему. Уголовный закон, механизмы его реализации порождаются социальными процессами, опосредованными политическими

¹ Текст опубликован: Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Росс. конгр. уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 67–72.

явлениями, но воплощаются в тексты, действия и решения профессиональными средствами юриспруденции. Это реально осуществляется законодателем, который, получив соответствующий язык и наборы аргументов, должен с помощью экспертов перевести социальную материю в правовые, а затем и в юридические решения, определив этим состояние механизмов правореализационной деятельности.

При отсутствии баланса политического и юридического не учитываются соответствующие интересы общества и публичной власти в целом, их институтов. До сих пор недостаточно исследованы реальные и необходимые механизмы и формы выработки позиций по наиболее общим вопросам применения жесткого принуждения к согласованному поведению, а тем самым нередко теряется связь между политико-социальной и уголовно-правовой мыслью, восстанавливать которую в процессе разработки отдельных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных новелл, как правило, уже поздно. Поэтому необходимо не только обсудить современную ситуацию формирования, состояния и перспектив уголовной политики в России, но и оценить роль объективных и субъективных факторов, ее определяющих, а также особенности правотворческих и правореализационных решений применительно к отдельным сферам борьбы с преступностью (коррупционной, экономической, экологической и иной).

Современная социальная ситуация развития уголовной политики. Она несет в себе черты прошлого, одновременно включая новые явления, и поэтому должна анализироваться с позиций будущего. Но, так или иначе, предполагается, что современная социальная ситуация, сложившаяся в России, требует обновления уголовного закона и механизмов его реализации, что вполне обоснованно признается и властью и обществом. Образуется современная социальная ситуация по меньшей мере взаимодействием двух групп объективных факторов:

а) исторической скрытности, неясности и противоречивости процесса развития права и правореализации, определяемых борьбой за власть и предоставляемые ею возможности;

б) актуального, особенно переходного состояния институтов общества, которое обозначается как аномия, транзитивность, но характеризуется быстротой социального развития¹.

Действие объективных факторов осложняется факторами субъективными. Лишь для примера: это, с одной стороны, инертность правовой и иных социальных наук, ориентирующихся часто на догмы прошлого, а с другой — сохранившиеся индивидуальные комплексы. Известно, что социальные перемены по многим причинам разрушили установки, которые казались вечными и частично были ими, и обусловили необходимость достижения нового согласия. В собственно уголовно-правовой сфере следует учитывать

¹ См.: Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008; Луман Н. Власть. М.: Практис, 2001.

смену отношения социума, старой и новой преступности, противоречивые позиции субъектов вытеснения преступности и т.п.

Объективные факторы, влияющие на состояние и развитие уголовной политики. Их действие объясняет, почему:

а) уголовное право как социальный инструмент не может развиваться только линейно, идя по проторенному пути;

б) так важны осознанность развития уголовной политики, прозрачность и высокое качество принимаемых правотворческих и правореализационных решений, их легитимность, справедливость, эффективность.

Современная ситуация усиливает сложность определения поведения полезного и вредного, безопасного и опасного, дозволенного и недозволенного. Экономика, ситуация кризиса, изменение целей и ценностей, переформатирование коммуникаций обесценивают многие сложившиеся направления и методы обеспечения оптимального «социального мира» в обществе средствами уголовного закона. Но все равно под влиянием и на основе политических предпочтений и позиций общество и власть вынуждены делать постоянный выбор оценок общения, разграничивая поступки на дозволенные и недозволенные, определяя виды и поле конфликтов¹. Процессы оценки не бывают стерильными. Люди, формируя свои потребности и интересы, ошибались и ошибаются, принимая полезное за вредное и наоборот. Различные социальные группы занимают позиции, соответствующие их интересам. Власть злоупотребляет весьма часто своими возможностями, устанавливая запреты и избирая средства их обеспечения. В литературе обращается внимание, что именно запреты создают или, быть может точнее, в одних случаях создают, а в других — оформляют преступность.

Негативные факторы. Они проявляются в ограниченности допуска к практическому участию в процессе принятия уголовно-правовых решений, их реализации, связаны с необходимостью появления новых стратегий признания недозволенного и определения мер, связанных с этим явлением², как раз выходящих за пределы только юридической мысли. Доктринальная характеристика уголовного закона, выполняя (и то не полностью) свою техническую составляющую, не позволяет объяснить даже острые разногласия профессиональных юристов относительно уголовной репрессии. Юридическая наука лишь предоставляет возможность преодолевать конфликты, связанные с оценкой происшедших и происходящих политических перемен. Еще недостаточны механизмы обработки и освоения генезиса отношения к уголовному закону при понимании, что новые процессы в экономике, появление и развитие Интернета, мобильной связи и многих иных явлений делают недостаточными школьные представления о них. Нам, вероятно, еще

¹ См.: Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: РАН, 2004.

² См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Наука, 2005; Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под ред. В.И. Бурлакова, Б.В. Волженкина. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2005.

предстоит понять, что отсутствие достойной доли патентов в экономике России опаснее, чем неполная уплата налогов, и преодолевается эта ситуация с большим трудом.

Уголовная политика как социальная реальность. Как известно, социальная реальность может быть отражена в некотором множестве различающихся моделей. Выбор модели в идеале определяется целями их познания; реально это опосредуется многими факторами субъективного характера. Здесь уголовная политика описывается как нечто осуществляемое людьми и их объединениями, происходящее во внешнем мире, преследующее определенные цели, порождающее определенные воспринимаемые последствия. Уголовная политика имеет собственное содержание, качественные и количественные параметры, реализуется во времени и пространстве.

Политические и правовые компоненты уголовной политики. Их различение необходимо, ибо они осуществляются различными субъектами в разных целях и влекут различные результаты. Наглядно политические компоненты уголовной политики проявляются в сфере борьбы с преступностью.

В качестве реально проявляющих себя компонентов политики понимаются: позиции общественного сознания, позиции центров политического влияния или власти, распространенность и последствия действий (бездействия), которыми они реализуются, предправовые, содержательно регулятивные решения, в сфере юридической преобразуемые в нормативно-правовую форму.

Эти компоненты могут фиксироваться на уровнях индивидуального, группового и общесоциального сознания именно по признаку их связи с уголовным законом и процессами его реализации, т.е. оцениваться как исходные, программирующие либо включенные в правотворческий процесс предписания. При этом возникают трудности различения собственно политических и правовых компонентов в действиях законодателя, собственно криминализация и декриминализация не являются содержанием политики и уголовной политики, но представляют собой инструменты ее осуществления. Необходимо различать политическую составляющую и процесс ее юридической реализации.

Несомненно, что уголовная политика есть часть социальной политики, проводимой в контексте социальных процессов различного уровня. Уголовная политика, как бы она ни определялась юристами, обязательно имеет как общие черты, присущие политике как социальной реальности и разрабатываемые в политологии и смежных дисциплинах, так и специфические черты, отражающие собственную ее природу и назначение. Практически это означает, что уголовно-политические решения принимаются и должны приниматься в системе иных политических решений, в структуре социальной политики. Это крайне важно для подавления ведомственного эгоизма и профессиональной агрессивности юристов, чаще всего, правда, выражающейся в риторике.

Результаты или состояние уголовной политики. Это те решения и осуществленные меры, которые так или иначе признаны легитимными и реаль-

но отражаются на использовании собственно уголовно-правовых средств в соответствии с поставленными задачами. Такая характеристика уголовной политики могла бы отражать ее бесконфликтное осуществление. Между тем целостная уголовная политика не всегда едина, поскольку различные проблемы решаются неодинаково. Так, ощущаются и фиксируются несомненные различия в уголовной политике в сфере коррупции и в сфере насильственной преступности, в сфере преступности экономической и экологической.

Разделение властей и задач ветвей власти должно с точки зрения действующего закона влечь разные подходы к политике, что особенно наглядно проявляется в состязательном уголовном процессе, а во многих случаях — излишне жестко в виде ведомственных конфликтов. Наконец, в современном обществе формируются юридически признаваемая общая уголовная политика и уголовная политика, отражающая групповые интересы.

Ввиду изменчивости социальных процессов, а также отмеченной сложности определения политической составляющей деятельности, процедур и результатов, в ходе которых осуществляется разноуровневое воздействие на преступное поведение, реальные границы уголовной политики так же изменчивы, как изменчивы объект и предмет уголовного права.

Объект уголовной политики. Это все связанные с преодолением дефицита власти процессы и структуры, необходимые для различения преступного и непроступного и устранения преступного.

Субъектность уголовной политики. Уголовная политика в работах уголовно-правового цикла¹ определяется как государственная, но не поясняется, что при этом имеется в виду. Между тем при любом понимании политики, начиная с классического, такого, как участие в делах государства или общества, носителями политики, ее субъектами является широкий круг индивидов, формальных и неформальных групп, различного рода структур, имеющих противоречивые, часто конфликтные интересы.

Уголовная политика как интеллектуальная, физическая, организационная и любая иная деятельность. Деятельность в сфере уголовной политики можно представить как осознание некоторого набора постоянных и временных проблем, позиционирование по отношению к ним, их решение в политических целях и специфически политическими способами на основе сложив-

¹ См., например: *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2003; *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006; *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики. М.: ЮрИнфоР, 1999; *Дзигарь А.Л.* Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005; *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009; *Лесников Г.Ю.* Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М.: ЮНИТИ, 2004; Уголовная политика и право в эпоху перемен / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010; Уголовное право. Библиография (1985—2006 годы) / под ред. А.Э. Жалинского. М.: Изд. дом «Город», 2007. С. 115—128 и др.

шихся процедур различной авторитетности. Политическая деятельность требует специального осмысления. Но в нашей стране по историческому опыту известно, что эта деятельность имеет разнообразные качественные и количественные параметры и может состоять в создании и укреплении политических организаций, привлечении сторонников, пропаганде и агитации, почему-то подменяемых так называемым пиаром, выработке взглядов, подходов, концепций, проектов, их реализации, организации мониторинговых процессов и пр. Она включает целеполагание, организацию, создание коллективных организаторов и пропагандистов, которыми стало вместо газет телевидение, ныне вытесняемое Интернетом.

Конкурентность уголовно-правовой политики. Она порождается дефицитностью власти и требует определенного разграничения функции субъектов уголовно-правовой политики в сфере защиты определенных общих, групповых или индивидуальных интересов. Отсюда необходимость затраты нервных, интеллектуальных и иных усилий в сфере политики, ее издержек, спрос на профессионализм и другие специфические черты личности, на функциональность и обоснованность целей. В этом смысле показательно мнение А.И. Соловьева о том, что «...политика предстает как внутренне обратимое, принципиально неравновесное явление, в котором переплетены сознательные и стихийные действия, организация и дезорганизация. Порядок и хаос, баланс и дисбаланс, стабильность и нестабильность, устойчивость и неустойчивость»¹.

Содержание уголовной политики²

Проблемы уголовной политики в современных условиях ускоренного социально-экономического развития страны, усиление борьбы с антиобщественными явлениями должны, как того требует Коммунистическая партия, рассматриваться с позиции решительного поворота науки к нуждам общественного производства. В частности, это означает необходимость такого исследования уголовной политики, которое бы охватывало весь процесс ее разработки и реализации: формулирование целей, определение приоритетов, принятие и исполнение различного рода решений на разных уровнях борьбы с преступностью — в деятельности всех аппаратов и звеньев, образующих систему уголовной юстиции и целенаправленно ее поддерживающих. Именно социально-правовая проработка уголовной политики, соотношенная с правовой и управленческой компетенцией участников борьбы с пре-

¹ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 60.

² Текст опубликован: Направления уголовной политики в борьбе с преступностью. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1986.

ступностью, условиями их труда, может усилить ее воздействие на практику применения уголовного законодательства и тем самым обеспечить повышение статуса уголовной политики как научной теории и учебной дисциплины.

Обратимся к анализу содержания уголовной политики, т.е. к индивидуальной деятельности, в результате которой она реализуется, а затем к возникающей на основе такой деятельности практике, которая представляет собой относительно самостоятельный феномен — процесс сравнительно массового осуществления правообеспечивающих, правотворческих, правоприменительных и правоисполнительных актов.

В юридической литературе длительное время ведутся оживленные споры о понятии уголовной политики, ее принципах, содержании. При этом высказываются различные мнения¹. Но в целом ученые склоняются к тому, что уголовная политика должна рассматриваться как часть политики юридической, что она реализуется в правотворчестве, применении права, развитии правосознания и правовой культуры и представляет собой совокупность принципов, целей, направлений и методов деятельности Советского государства в области уголовно-правовой защиты социалистических общественных отношений.

На наш взгляд, сферы действия уголовной политики несколько иные, а именно: определение стратегии и путей ее реализации; правотворчество; правообеспечение; правоприменение; правоисполнение. Содержание уголовной политики проявляется как деятельность, осуществляемая определенными методами для достижения определенных целей на основе совокупности принципов и конкретизируемая по отдельным направлениям. Реализуется уголовная политика различными органами и должностными лицами в пределах их прав и обязанностей и требует применения профессиональных познаний.

При таком подходе к уголовной политике возникают существенные трудности правового, организационного и гносеологического характера. Будучи направлена на разработку уголовно-правовых норм (принятие уголовных законов), их обеспечение, применение и исполнение, уголовная политика реализуется в деятельности, осуществляемой в строгом соответствии с предписаниями уголовного права, а следовательно, опирающейся на применение знаний и навыков, входящих в содержание науки уголовного права и соответствующей учебной дисциплины. Этот объективный факт

¹ См.: *Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И.* Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979; *Загородников Н.И.* Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979; *Ковалев М.И.* Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1979. № 12; Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М., 1982; Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975; *Миньковский Г.М.* О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Тр. Академии МВД СССР. М., 1982.

и осложняет разработку проблем уголовной политики как самостоятельной деятельности, и в самой значительной степени актуализирует ее. Ведь всякая прикладная научная общественная дисциплина в своей основе есть описание управленческой и исполнительской деятельности, ее содержания и специфики. Без специфики работы нет научной дисциплины. Это самым непосредственным образом относится к учению об уголовной политике, рекомендации которого пока еще слабо привязаны к задачам отдельных правоохранительных органов и должностных лиц.

Специфика деятельности по осуществлению уголовной политики проявляется и выявляется в различных сферах ее функционирования в неодинаковой мере. Разработка целей уголовной политики, ее приоритетов, принципов, соотношения метода убеждения и принуждения, определение интенсивности и решение иных стратегических проблем предстают как относительно самостоятельная деятельность, которая тем не менее основывается на действующем уголовном законе, но не сводится к использованию уголовно-правовых знаний и навыков. Реализация уголовной политики в уголовном правотворчестве уже в большей мере строится на основе теории уголовного права. Для реализации уголовной политики в сфере обеспечения механизма действия уголовного закона — проведения различных организационно-управленческих и правовоспитательных мероприятий — требуются данные уголовно-процессуальной, административно-правовой, других правовых наук, криминологии, теории управления и др.

Итак, специфика уголовной политики более наглядно проявляется на высоких уровнях и менее наглядно (но от этого, как нам кажется, не менее интенсивно) — на низких уровнях, т.е. там, где она действительно претворяется в практику, в действительное состояние уголовно-правовой борьбы с преступностью. Конечно, ничего удивительного здесь нет. Использование категории «политика» для обозначения специфического направления социального управления предполагает обращение к стратегии социальной деятельности, ее целям и в меньшей степени увязывается с повседневными процессами превращения целей в действительность.

Попытаемся раскрыть высказанные соображения, выявляя специфику деятельности по реализации уголовной политики на этапе применения уголовного закона.

Каким образом и в какой степени в процессе квалификации преступления учитываются цели и принципы уголовной политики? Как сказывается уголовная политика на принятии решения о замене уголовной ответственности административной, на содержании и результатах наказания, на деятельности по устранению ошибок в практике назначения наказания, на деятельности по повышению применяемости уголовно-правовых норм или институтов?

Эти и подобные вопросы должны иметь единое решение. Исходным для такого решения является положение, согласно которому уголовная политика на данном этапе реализуется строго в соответствии с уголовным за-

конодательством; можно сказать, что уголовная политика программируется уголовным законом и не выходит за его пределы. Но этот постулат не исчерпывает проблемы.

Сам уголовный закон, как известно, в ряде ситуаций предоставляет возможность выбирать одно из равновозможных с правовой точки зрения решений. В юридической литературе принято сдержанно относиться к так называемому «судейскому усмотрению», но с полным пониманием значимости вопроса анализировать оценочные признаки состава преступления, выделяя постоянные и переменные, различающиеся по степени отражения социальной обстановки. Поэтому переход от уголовно-правовых элементов правоприменительной деятельности к уголовно-политическим и последующее их воплощение в едином решении, правоприменительном и управленческом акте осуществляются несколькими способами. Среди них можно выделить:

а) жесткое исполнение уголовно-правового предписания, не оставляющее места для выбора решения или способа действий (чаще всего такие предписания относятся к квалификации преступлений);

б) выбор одного из фиксированных в уголовно-правовой норме решений;

в) выбор решения в пределах, определяемых уголовно-правовой нормой (например, индивидуализация наказания);

г) учет уголовно-правового предписания как исходного для принятия исполняющего его решения (в частности, контроль за поведением лиц в соответствии с требованием ст. 46.1 УК РСФСР).

Существует мнение, что использование оценочных признаков, оснований освобождения от уголовной ответственности, расширительное и ограничительное толкование есть метод уяснения воли законодателя, истинного смысла уголовно-правовых предписаний. Этот подход правилен, если признать, что воля законодателя как раз и направлена на обеспечение выбора в рамках предписания, но с учетом некоторых не охватываемых данным предписанием обстоятельств. В противном случае логично было бы формализовать предписание, не допуская выхода за его пределы.

Следовательно, в стадии применения уголовного закона деятельность по реализации уголовной политики проявляется в выборе из юридически равновозможных решений такого, которое наилучшим образом учитывает цели, приоритеты и принципы уголовной политики применительно к конкретной социально-правовой ситуации.

Приемы реализации данных уголовной политики при выборе юридически равновозможных решений могут быть исследованы и усовершенствованы относительно различных стадий применения уголовного закона. В частности, стадия рассмотрения жалоб и заявлений показывает состояние уголовно-правовой борьбы с преступностью и связана с определением признаков малозначительности, отсутствия общественной опасности (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР), отсутствия большой общественной опасности, возможности исправления и перевоспитания лица без применения уголовного наказания

(ст. 50 УК РСФСР, ст. 10 УПК РСФСР). В этих и аналогичных случаях законодатель не ограничивает указанные признаки определенным набором свойств, а предоставляет правоприменителю известные возможности выбора. Можно считать это недостатком, вынужденным обстоятельством, проистекающим из объективных трудностей. Но в данном случае важно, что такой выбор возможен и его нужно делать.

С рассматриваемой стадией тесно связана и деятельность по учету исходных положений уголовной политики при квалификации преступлений. Здесь возможность выбора еще меньше. Практика показывает, что воля законодателя, воплощенная в содержании уголовно-правовых предписаний, не сразу и неравномерно реализуется в уголовно-правовых решениях. В.М. Коган определил это явление как вероятность пределов действия уголовного закона¹. Примерами постепенной реализации воли законодателя можно считать руководящие указания Пленума Верховного суда СССР, Верховных судов союзных республик по квалификации отдельных видов преступлений, по признанию наличия в действиях лица необходимой обороны и др. Конечно, при этом происходит углубление смысла и значения уголовно-правового предписания, но одновременно и указывается на преимущественный выбор одного из вариантов в соответствии со сложившимися условиями.

Наиболее широк выбор вариантов при назначении наказания, определении порядка его исполнения. Здесь существуют большие возможности соотнесения подобных решений с различными проблемными ситуациями, с признаками деяния, личности, с давлением окружающей среды, с приоритетными целями уголовной политики и ее методами. Конкретизация этих же приемов может быть проведена в отношении участников уголовно-правовой борьбы с преступностью: участковых инспекторов, работников дознания, следователей, оперативных уполномоченных уголовного розыска и БХСС, прокуроров, судей, должностных лиц, выполняющих преимущественно управленческие функции в сфере борьбы с преступностью. Такая конкретизация имеет в большей степени методические цели и призвана способствовать повышению профессионального уровня и правовой культуры отдельных должностных лиц, а до этого — выяснению типичных проблемных ситуаций, связанных с принятием решений, выявлению наиболее распространенных ошибок уголовного правоприменения, получению иной информации.

Индивидуальная деятельность по реализации уголовной политики в стадии применения уголовного закона, как отмечалось, объективно преобразуется в практику, представляющую собой относительно самостоятельное явление.

Практика применения уголовного закона — это содержание уголовной политики, содержание процесса ее реализации, взятое на социальном уровне. Проявляются особенности практики и в рамках региона, и в рамках от-

¹ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1984. С. 28.

расли, т.е. во всех случаях изучения достаточно большого объема правоприменительных актов, выделенного в некоторых реальных пространственных или временных границах.

Существование уголовно-правовой практики как относительно самостоятельного явления подтверждается эмпирическими данными, а объясняется с позиций системного подхода. Советские исследователи — специалисты в области уголовного права неоднократно отмечали наличие определенных территориальных особенностей в применении наказания, выявляли типичные ошибки квалификации, обнаруживали тенденции в применении институтов освобождения от уголовной ответственности с заменой ее иными мерами¹. По-видимому, достаточно устойчива и доля латентных преступлений, что не в последнюю очередь связано с некоторыми тенденциями разграничения преступлений и правонарушений, не всегда отражающими волю законодателя.

В данном смысле практика применения уголовного закона — основа эффективности уголовной политики, важнейший метод ее воздействия на поведение людей, на охрану общественных отношений. Поэтому реализация уголовной политики должна рассматриваться прежде всего через состояние правоприменительной практики, а совершенствование и интенсификация уголовной политики — осуществляться через совершенствование и интенсификацию (в допустимых уголовным законом пределах) правоприменительной практики. Все это ставит задачу изучения практики применения уголовного законодательства в специфическом плане, с позиций выявления содержания уголовной политики.

Уголовно-правовая политика, основываясь на индивидуальной правоприменительной деятельности, складывается из правоприменительных действий и правоприменительных решений. Она опирается на организационно-ресурсную базу и кадры, воплощается в определенной социальной среде. Это значит, что в узком смысле практика применения уголовного закона рассматривается, во-первых, как система действий, имеющих то или иное юридическое значение и программируемых предписаниями уголовного закона, во-вторых, как система решений, в которых отражаются результаты этих действий, в-третьих, как система стереотипов, привычных подходов к действиям и решениям. Здесь можно сослаться на практику квалификации хищений государственного и общественного имущества, исполнения наказания, индивидуализации наказания и другие элементы практики применения уголовного закона.

В более широком смысле практика включает в себя наличные возможности ее претворения в жизнь, например количество следователей в данном регионе — величину конечную, которая не может расширяться произвольно; состояние общественного сознания, определяющее социальную активность

¹ См.: *Гальперин И.М.* Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983; *Келина С.Г.* Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974; *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.

могут обсуждаться представителями различных правовых систем. Столь же необходимо дальнейшее развитие специфических конструкций взаимодействия национальных отраслей уголовного права, в частности, оговорок, презумпций и пр. Это крайне сложная задача, и особенно трудна ее реализация при выявлении материальной стороны уголовно-правовых запретов, переносимости наказания, выявлении и оценке современных тенденций развития уголовного права, особенно расширения круга деликтов опасности, криминализации экономического поведения и пр.

Приведенные соображения нуждаются в обсуждении и проверке. Несомненно одно: проблема охраны национального уголовно-правового суверенитета нуждается в самостоятельном, причем детальном, изучении в контексте современных процессов.

- Ж24 **Жалинский, А. Э.** Избранные труды [Текст] : в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 1000 экз. (1-й завод — 600 экз.). — ISBN 978-5-7598-1211-1 (в пер.).
- Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. — 619, [5] с. — ISBN 978-5-7598-1214-2 (т. 3).

В настоящее издание вошли избранные труды А.Э. Жалинского, известного исследователя в области теоретических проблем уголовного права и криминологии, социологии права, сравнительного правоведения и зарубежного уголовного права и криминологии. По этой тематике им написано более 350 научных трудов, в том числе монографий, опубликованных в академических и профессиональных журналах в России и за рубежом. Многие его работы, а также выдвинутые и обоснованные идеи сыграли значительную роль в развитии науки.

В томе 3 объединены работы А.Э. Жалинского, раскрывающие эволюцию его подхода к исследованию уголовной политики, исследования в области сравнительного правоведения и зарубежного права.

Для специалистов в области криминологии, уголовного права и социологии права — практических и научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей правовой и криминологической мысли, целями, средствами, достижениями и просчетами борьбы с преступностью в нашей стране.

УДК 341.4
ББК 67.412

Научное издание

Жалинский Альфред Эрнестович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В четырех томах

Том 3

Уголовная политология.

Сравнительное и международное уголовное право

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Иванова*

Корректоры *В.И. Каменева, О.И. Ростковская*

Подписано в печать 13.10.2015. Формат 70×100 ¹/₁₆

Печать офсетная. Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 50,7. Уч.-изд. л. 39,7.

Тираж 1000 экз. (1-й завод — 600 экз.). Изд. № 1804

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,

тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10

ISBN 978-5-7598-1214-2

9 785759 812142